ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ДОМ НЕПРЕДСКАЗУЕМОГО СЧАСТЬЯ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Дом непредсказуемого счастья

«АСТ»
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Дом непредсказуемого счастья / Л. Соболева — «АСТ», 2015 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-091944-4

В респектабельный дом героини романа Юлии ворвались, в буквальном смысле, разрушение и хаос. Взорвали дачу вместе с мужем. В ходе следствия выясняется, что погибли четыре человека. Что они делали в такой компании, зимой на даче? Все прежнее окружение – друзья, сотрудники, партнеры по бизнесу – ведет себя по отношению к Юлии не лучшим образом. Неожиданно вокруг героини появляются странные персонажи. Чудесным образом рядом оказались бывшая любовница мужа Влада и красавчик Алик – защитник одиноких дам. И тут же начались разные осложнения. И возник вопрос – а все ли так просто было с этим взрывом? Но главный вопрос – кто есть кто? Кто муж Иван, кто раненый герой Алик, кто такая Влада? А еще и адвокат Саня? И кто же сама Юлия? Наступит момент истины, а значит, и развязка. Но что она принесет героям…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091944-4

© Соболева Л., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1 6
2 14
3 23
4 30
6 39
7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Лариса Соболева
Дом непредсказуемого счастья

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Бледная немочь… Так говорила прабабушка, если видела худосочную девицу с кожей тоньше папиросной бумаги и белой до синюшного оттенка. Что ж, похоже. Юля затянулась сигаретой и снова всмотрелась в свое отражение в зеркале – да, и бледновата, и вид измученный. Из-за Ваньки все! Обычно ее тонкая кожа имеет матовый оттенок и естественный персиковый румянец. Все, ну все из-за Ваньки, из-за него она и курить никак не бросит, а ведь бросает каждый божий день.

Тем не менее в сознании отпечаталась подлая мысль: зря игнорировала черный цвет, он ей идет, еще как идет! Изящная фигура, обтянутая черной тканью, в сочетании с пепельными волосами и темными (сумеречными) серыми глазами, излучающими ностальгию, смотрится загадочно. Если б хоть чуточку косметики, Юлю можно было назвать… ну, если не красоткой, то «чертовски мила» она заслуживает. Хоть бы капельку помады на губы… Да нельзя – траур. А как бы к этой изысканной черноте при росте сто семьдесят пять сантиметров подошла черная шляпа с большими волнообразными полями… Эх, не по сезону, на дворе вон мороз, в шляпе уши отморозишь.

Зажав сигарету зубами, Юля накрутила черный шарф на голову, спрятав все до единой волосинки, завязала у виска, расправила свисающие на грудь концы – получилась… гламурная бедуинка с болезненно бледным личиком. Шарфы с платками на голове ей никогда не шли. Серьги нужно снять. Сняла. Теперь чего-то не хватало… Очков! Чтобы спрятать сухие глаза, которые, по идее, должны быть зареванными, красными и опухшими. Очки вдвойне подпортили дресс-код, какое-то слепое чучело в чалме получилось…

– Черт-те что.

Но тут же Юля махнула рукой, в конце концов, ей не на раут идти, а к… Ой, страшно! Даже подумать страшно, не то что выговорить! Ой, как сердце трепещет при одной мысли, что визит предстоит к следователю.

Сле-до-ва-тель!

Звучит угрожающе, словно сирена, предупреждающая о бомбежке. Но время подходило, Юля спустилась вниз, выключила огни на елке, ждала, прохаживаясь у окна и выкуривая очередную сигарету, попутно ворча:

– Отбила бы руку, протянувшую мне первый раз сигарету. Почему никто по губам не бил, когда я брала в рот эту гадость? Почему никто не рассказал о вреде табака?.. Теперь как радость – так сигарета, как нервы – так одна за другой…

Разумеется, она нервничала. Коленки уже тряслись, заранее почуяв гадость со стороны следователя, вот-вот руки скрутит от конвульсий. Рюмочку бы пропустить для равновесия нервной системы, малюсенькую рюмочку… две… три… И тоже нельзя! Алкоголь действует, как удар тока, после чего все в Юле начинает жить отдельно: отдельно мозг, отдельно язык, руки-ноги отдельно. Надо ли говорить, что в таком состоянии она представляет собой угрозу для общества?

Но вот около дома затормозила машина, Юля, теперь не торопясь, потому что жутко не хотелось ехать к следователю, переобулась в прихожей, накинула шубку. Постояла, собираясь с мыслями, а они (проклятые) расползались в разные стороны, как воры с места преступления. Просигналила машина. Да, пора…

– Привет, Саня, – сказала, усаживаясь в авто.

И усмехнулась: им всем уже под сорок, а некоторым и за, но все еще Сани, Юли, Вани. Есть худший вариант – Саньки, Юльки, Ваньки. Пора бы отчества присовокупить, однако приставка к имени сразу будет давать неправильный ориентир на возраст, впрочем, Юле всего-то тридцать шесть. Конечно, последние несколько лет нанесли существенный удар по внешно-

сти, виновата внутренняя дисгармония, но если быть точной, виноват Ванька. Все равно она моложе друзей-подруг и собственного мужа, что приятно.

– Как ты? – спросил Саня.

– Сносно, – ответила Юля подчеркнуто трагическим голосом.

Щелоков – адвокат, которому доверял Ванька, теперь обязана доверять она, потому что… Черт его знает – почему! Просто Саня перешел ей по наследству как хранитель интересов семьи, он изъявил желание сопровождать Юлю на допрос, чтобы она не сболтнула лишнего. Интересно, как Санечка удержит ее язык, если этому непредсказуемому органу без костей и мозгов захочется ляпнуть глупость вопреки желанию хозяйки?

– У тебя алиби есть, Юла? – спросил он.

Между собой друзья ее называли Юлой. Когда-то она и была вертлявой, непосредственной, искрящейся жизнерадостностью, как фонтан на солнце с чистой-чистой водой. Была! В этом слове заключен глубокий смысл пустоты: была и – не стало, значит, исчезла. Выходит, Юльки нет? Так ведь и нет, она давно уже не она, а ходячая приставка к мужу, дому, детям. Кстати, приставка – это нечто из разряда излишеств, без чего спокойно можно обойтись.

– Юла, слышишь? – вернул ее из раздумий Саня. – Алиби у тебя есть?

– Чего? – настороженно покосилась на него она, наконец услышав сакраментальное слово «алиби», от которого по телу дрожь прошвырнулась и застряла где-то под горлом.

– Алиби, Юла, – доказательство непричастности к преступлению на момент его совершения…

– Я знаю, что такое алиби, – перебила раздраженно Юля. – При чем здесь *мое* алиби?

– Снизь градус кипения, снизь. Мы должны быть ко всему готовы, а вы с Иваном не совсем ладно жили, тебя могут заподозрить…

– Заподозрить?! – Нет, она повысила градус. Еще бы! – Меня?! Я что, сама бомбу подложила под собственную дачу? Чтобы та разлетелась в пух и прах со всем добром, нажитым непосильным трудом моего бедного Ваньки?

– Юла! – попробовал остановить ее Щелоков.

– Нет, скажи: я похожа на больную, чтобы остаться без дачи и отдыха на лоне природы? Да если бы мне захотелось грохнуть Ваньку, я бы обошлась меньшими жертвами. Материальными, разумеется.

– Юлька! – слегка прикрикнул Щелоков. – Будут всех подозревать, у кого имеется хотя бы мизерный мотив расправиться с Иваном. Кстати, на убитую горем вдову ты не тянешь, имей это в виду. И умоляю, не язви. Особенно на допросе. Как почувствуешь, что попала в тупик или тебе не понравился вопрос следака, поднеси платок к глазам или к носу, всхлипни, я перехвачу эстафету. Юла, ты меня слышишь?

– Слышу! – огрызнулась она, будто Саня предъявил ей обвинение в убийстве собственного мужа, и, уткнув нос в песцовый воротник, пробурчала: – Подложил же мне свинью Ванечка прямо перед Новым годом. Испортил любимый праздник.

– Он-то при чем? – Смех в трагической ситуации неуместен, но Щелоков рассмеялся.

Юля не удостоила его ни ответом, ни взглядом, она, глубоко вздохнув, уставилась в окно с нарочито задумчивым видом, чтобы Саня не приставал с провокационными вопросами. А думала о нем, о Щелокове. Почему о нем? Что, ей не о чем подумать? А потому что Саня – неотъемлемая часть их с Иваном жизни, и так уж случилось, что Юля на днях начала ревизию собственной жизни.

Щелоков напоминал ей дорогой чемодан, куда хочется заглянуть из элементарного любопытства и поглядеть, что за барахло он там хранит. Конечно, имеется в виду душа, а Саня туда не пускал никого, так что душа его в прямом смысле – потемки. Если же не лезть в душу, то внешне он – уверенный, оптимистично настроен, обходительный. Вышли-то мы все из народа, правда, не все любят в этом признаваться, но далеко не всякому народнику, даже достигнув

высокого положения на социальной лестнице, удалось приобрести шикарный лоск. А Санька лоснится от лоска, и этот лоск так и лезет в глаза, смущая окружающих, отчего он всегда на высоте, всегда НАД всеми. Кто знает, может, это тоже своего рода признак выходца из низов, для которого обязательна превосходная степень? Есть у него и слабое место – бабы, которые кидаются на лоск и артистизм, хотя внешность у Сани заурядненькая и трудно поддается описанию. Кроме носа. Нос – это ва-аще! Выдающаяся часть. В прямом смысле выдающаяся, ибо далеко вперед выдается, чуть меньше носа Буратино. Как жить с таким шнобелем? А он живет. И хорошо живет, между прочим. И женскому полу клюв марабу не мешает кидаться Сане на шею. Кстати, ротик у него тоже длинный, почти до ушей, эдакая прямая линия без губ над коротким подбородком…

Когда Юля мысленно препарировала Саню на составные части, невольно передергивала плечами, едва не произнося «бее!». В воображении он рисовался страшилищем, а скосила глаза – ничего, симпатяга. Очевидно, недостатки нивелируются длинными волнистыми волосами цвета прибитой пылью смолы, томными мечтательными глазами испанского быка под кайфом и сладчайшей улыбкой кондитера.

Нет, скорее, он берет манерами. У Сани отпадные манеры – ручку облобызает, пальто подаст, подарок купит, комплимент кинет. Он прекрасно знает психологию и умеет манипулировать сознанием, короче, опасный тип, за что и любят его бабы-дуры. А он любит баб-дур, красивых и, как правило, выше ростом на голову, а на каблуках – на две. Поэтому женится и разводится, женится и разводится. Юля со счета сбилась, считая жен, старых уж и не помнит по именам, на данный момент Саня в разводе и, кажется, чертовски доволен.

Честно сказать, такого несовершенного совершенства Юля побаивалась, происходило это на подсознательном уровне, и, не желая тратить серые клетки, она не мучилась вопросом – из-за чего побаивалась Саню. А сейчас задумалась, потому что нежданно-негаданно перестала благоговеть перед ним. Без причин. Как без причин старалась улизнуть, когда он приходил к Ваньке, энергичный, подтянутый, умный аж жуть, но при этом Саня, а не Александр Ромуальдович. Нет, пусть лучше будет Саней, а то язык хоть и без костей, а сломается, пока отчество выговоришь.

– Скажи, – внезапно повернулась к нему Юля, – что мой благоверный делал на даче в это время года, к тому же перед праздником?

– Начнем с того, что у вас не дача, а загородный дом…

– Наш дом не приспособлен к зиме, – заспорила Юля.

– Там есть камин… то есть был. Камин неплохо отапливал комнаты, Ваня часто привозил туда деловых партнеров и зимой.

Тон у Санечки не тот, нет. Какой-то докторский. Да-да, он будто кодирует ее или гипнотизирует, чтобы Юля повторяла за ним, как попугай.

– Надо же, – усмехнулась она. – А я не знала, что лоном природы можно насладиться на нашей даче и зимой. Ванька убедил меня, будто там в это время года Антарктида. Ну и что же он с партнерами делал зимой на даче?

– Может, Рождество решил отметить, половина мира отмечает двадцать пятого…

– А мой Ванька католик, да?

– Я не вникал в его вероисповедание. Бывало, он в неформальной обстановке обговаривал сделки… э… всякую там текучку.

– А неформальная обстановка это как? – настойчиво допытывалась Юля, будто отродясь таких слов не слышала. И не боялась уронить свое реноме в глазах Сани глупыми вопросами, она же домохозяйка по социальному статусу, какой с нее спрос?

– Юла, не прикидывайся, ты прекрасно знаешь, что такое неформальная обстановка.

– Почему не в кабаке, – завелась Юлия, – не у нас дома эта самая неформальная обстановка, а у черта на куличках, где надо топить камин, завести припасы, приготовить пожрать? А кто, интересно, у плиты стоял? Не Ванька же!

– Ну, Юла… – неестественно рассмеялся Саня, значит, знает, гад, про всех скелетов в шкафу любимого мужа Ваньки. – Кабак и дом не всегда подходящее место для тайных переговоров. Надеюсь, теперь ты меня поняла?

Тональность Санькиных смешков была нежно-отеческой, еще так смеется старенький дедушка-богач, когда его молоденькая и глупая жена ляпнет невпопад, а ему (старому маразматику) глупость нравится. Все вместе говорит о том, что Саня воспринимает Юлю безнадежной дурочкой. Любопытно, почему? Кстати, о дурах! Это же подсказка! Да-да, дура – это отличный щит, за которым в трудную минуту не грех спрятаться. Юлия почти с любовью посмотрела на Саню, он заметил ее взгляд, неизвестно, что прочел и подумал, но как-то вдруг смягчился.

– Саня, а что тебе известно о взрыве и всем прочем? – спросила она, ведь надо хоть немного быть в курсе событий перед допросом. Со дня взрыва прошло несколько дней, но им не удавалось переговорить, господин адвокат зачищал хвосты в последние дни уходящего года, ему было не до друзей и их бед.

– Представь себе, ничего, – удивил Саня.

– Хм. Мне казалось, ты все-все знаешь.

– Юла, мы едем на разведку, так что лишнего не болтай. Посмотрим, что следак скажет, о чем будет спрашивать.

– Ну ладно. М-да… Сколько нового выясняешь о собственном муже после его кончины. Интересно, что еще мне предстоит узнать?

Ромуальдович покосился на нее с опаской, беспокойно. Юля сидела, нахохлившись и сунув нос в воротник шубки, на него даже не взглянула и оставшуюся дорогу не проронила ни слова.

* * *

Следователь представился Константином Ильичом Басиным. Самому лет тридцать пять максимум, а уже Ильич и следователь! Наверное, просыпается утром и мысленно повторяет: я лучший следователь, я умен и красив, я супермен, я… и так далее. Нет, Юлю следак Костя не впечатлил, хотя он явно заботится о физической форме, соблазняет женщин без счету, потому что смазливый брюнет с густым ежиком на голове, а к брюнетам дамы тяготеют точно так же, как мужики к блондинкам. Однако, судя по одежде в идеальном порядке и классическому стилю, он глухой консерватор, да у него на лбу написано: стабильно-надежный, как швейцарский банк. На формальные вопросы Юля отвечала по принципу «да» и «нет», наконец подошли к главному:

– Двадцать пятого декабря ваш муж из офиса примерно около шестнадцати часов поехал на дачу… С какой целью?

Юля захлопала глазами, будто вопрос для нее не совсем понятен, и приподняла узенькие плечики, обтянутые дорогой черной водолазкой:

– Наверное, отдохнуть.

– Он не поставил вас в известность, что едет на дачу и задержится там допоздна?

Конечно не поставил! Мужчины поразительно одинаково объясняют женам свое длительное отсутствие, о чем честно поведала Юля:

– Он позвонил и сказал, что задерживается по неотложным делам.

– Значит, дела он продолжил на даче?

– Значит, продолжил.

– И как часто ваш муж проводил деловые встречи на даче?

Какой-то тупой попался, заладил: дача, дача, будто больше не о чем поговорить.

– Я в его дела не вмешивалась…

– А я вас не о делах спросил, – строго перебил он. – Хорошо, поставим вопрос иначе: как часто ваш муж задерживался допоздна?

– Ну… задерживался… иногда…

– Сколько раз в неделю, в месяц?

– Я не считала.

– Надо ли понимать ваш ответ, что подобные задержки случались настолько часто, что вы перестали их считать?

Ну и загнул! Смысл не сразу дошел до убитой горем вдовы. Юля поднесла платок к носу, а то Саня расселся и ворон ловит, тогда как следователь Костя ловушку за ловушкой расставляет. Санька адвокат? Пусть отрабатывает бабки.

– Прошу прощения, – подхватился Саня, – вы некорректно ставите вопросы, подводя мою клиентку к ответу, который нужен вам.

– Мы не в суде, там контролируйте ход процесса и вступайте в полемику, – охладил адвокатский пыл Константин Ильич. Охладил с максимальной категоричностью, дескать, я тут главный, а ты заткнись.

– Вы не должны разговаривать в таком тоне… – в корректной форме сделал ему замечание Саня, на что получил некорректный отпор:

– И права будете качать в суде. – После того, как Саня, пыхтя, отвернул от него свое лицо цвета кумачового стяга, Константин Ильич обратился к Юле, почти нежно прокурлыкав с каким-то мутным подтекстом: – Итак, ваш муж часто задерживался на деловых встречах, да?

– А какое это имеет значение? – сообразила прикинуться дурой Юля. – Мой муж много работал, об этом говорит наш уровень жизни. Чтобы достичь его, Ванечке приходилось не щадить себя.

– Конфликты у вас бывали?

– Покажите хоть одну семью, где нет конфликтов, – сухо, вместе с тем печально, как и подобает новоявленной вдове, ответила Юля. – А если есть такие семьи, то у них не все в порядке, значит, супруги равнодушны друг к другу, им даже поссориться лень. Чего не скажешь о нашей семье.

– Из-за чего же случались конфликты? – упорно гнул свою линию Костя, превратно понимая слова несчастной вдовы.

Из-за чего – скажет тоже! Да все из-за того же: где был до четырех утра, козел? И почему нализался как свинья? Чем от тебя воняет – «Шанелью» или неужели твои девки льют на себя «Красную Москву»? Духи «Красная Москва» обожала свекровь, выписывающая по Интернету пузырьки за баснословные деньги, следовательно, у Юлии на данный аромат была стабильная и острая аллергическая реакция. Она не выносила все, что нравилось маме мужа, свекровь тоже «любила ее без памяти», короче, обе представляли собой типовой шаблон «свекровь – невестка». Если честно, то поводов к конфликтам настолько много, что путаться начинаешь в узловых, так как второстепенные и совсем ничтожные вообще не стоит считать. Инициатором конфликтов являлась Юля, тем не менее она всего-то задавала вопросы, как сейчас следователь задает ей. А Ванька именно что ссорился, получив предлог к праведному гневу: мол, я пашу – горб скоро вырастет, как у верблюда, у меня отпуск длится всего неделю, а ты… ты!!! И попреками забрасывал жену вместо обещанных когда-то бриллиантов. Самое замечательное в их конфликтах – Юля прикусывала язык, чтобы окончательно не доводить до бешенства Ваньку, который, чувствовала, только и ждал повода. Но перед тем, как прикусить язык, она тоном святой мученицы напоминала, что является ему женой и хочет знать, где он таскался. Слово «таскался» действовало, как капля раскаленного масла на кожу, Ванька взвивался, орал, метался, как раненая в задницу рысь по веткам… Тогда-то Юля и прекращала вставлять шпильки, пере-

ходила на дипломатичное безмолвие, потому что… верила ему! Да-да, Ванька умел убеждать, еще и виноватой выставлял Юлю. Ну и не последнее: любила его… наверное. О детях думала, а их двое, зависела от него… ой, много есть причин, чтобы трусливо дать задний ход. В общем, ситуация банальная, встречающаяся не только у материально обеспеченных людей, но и в маргинальных кланах, когда женщина (бедная, несчастная, жертвенная, рабыня в полном смысле слова) зависит от главного узурпатора – мужа. Ванька хотя бы добывал крутые деньги, а то ведь большинство живет на гроши и терпит мурло под боком. Что ни говори, Юля как сыр в масле каталась, ей было чем дорожить.

– Я обязана отвечать? – Она смотрела прямо в глаза следаку.

– Желательно, – уклончиво сказал он.

А самого наверняка раздирало любопытство, из-за чего и как грызутся хозяева жизни. Однако «желательно» – не требование, Юля демонстративно скрестила на груди руки и вздернула подбородок, мол, не скажу, хоть пытай, но следак припас еще кое-что для нее:

– Автомобиль вашего мужа найден в черте города, у обочины дороги, ведущей к автоцентру. Эта же дорога ведет и к дачному району. Интересно, как туда попал автомобиль вашего мужа.

Следак растянул последнюю фразу, произнес без знака вопроса в конце, но от этого именно вопрос прозвучал, к тому же с удвоенным посылом. Закусив губу, Юля скосила глаза на Саню: почему это пронырливое светило адвокатуры, ежемесячно опускающее в карман своего дорогого пиджака конверт с бабками, ничего не знает про автомобиль? Да он обязан был своим длинным клювом асфальт взрыть вокруг прокуратуры, но выяснить обстоятельства, касающиеся ночи с двадцать пятого на двадцать шестое декабря и взрыва, чтобы Юля не попадала в положение идиотки на приеме у злого психиатра. Видно же, что у следователя Кости в связи с автомобилем Ваньки припасена подлая бомба, которую он готов метнуть в Юлю.

– А я должна знать, – вдруг пришло ей на ум, – кто воспользовался автомобилем Ванечки?

– Если следовать логике, то им воспользовался тот, к кому попали ключи от автомобиля вашего мужа. Или у этого человека имелись… вторые ключи.

Юля намек поняла и быстро нашлась:

– Меня имеете в виду? Огорчу вас, муж не позволял мне садиться за руль автомобиля, говорил, я сама убьюсь и кучу народа угроблю.

– Тем не менее водительское удостоверение вы получили семь лет назад, – подловил ее Костя.

Попалась! Причем глупо-глупо попалась. Теперь осталось дать себе установку: выкручивайся быстро! Юля правдиво хлопнула глазами:

– Правильно. Современная женщина обязана иметь удостоверение водителя. (Ну, раз он про права знает, то марка машины Юли ему тоже известна.) И даже иногда я сажусь за руль… съездить к парикмахеру, в бассейн…

– Только что вы утверждали, что не садитесь за руль.

– Я разве так сказала? Вы не дослушали! Иван не разрешал мне садиться за руль ЕГО автомобиля! Он же навороченный, как космический корабль, слегка носком туфли коснулся педали и – ты уже за два квартала от того места, где стояла машина. Не умею я водить крутую машину, напичканную электроникой. И на своей езжу редко… крайне редко… выбирая маршрут, чтобы на дорогах не было интенсивного движения… Я боюсь лихачей…

Смотрел на нее Костя… голодный удав на потенциальную пищу так не смотрит! Он буквально ввинчивался в Юлю глазами дохлой рыбы – ну никаких эмоций, и хладнокровно тестировал, где вдовушка лжет. Она же, выдавая слова со скоростью автоматной очереди, прекрасно понимала, что неубедительна, но ее несло. Остановилась, потому что выговорила весь воздух, следовало вдохнуть, а не смела почему-то. Казалось, Костя все видит и все знает про нее, это

просто ужасное состояние – ощущать себя раздетой перед чужим мужиком. При всем при том Юля выдержала рыбий взгляд, не моргнув! Следак опустил глаза, чего-то рисуя на бумаге, только тогда Юля бесшумно вдохнула, а то уже круги зарябили перед носом. Тем временем он открыл ящик стола, достал целлофановый пакет и небрежно бросил на стол с коротким вопросом:

– Ваше?

Юля вытянула шею вперед, рассматривая… вот она бомба! То есть бюстгальтер. Да, бюстгальтер, но черно-золотистые кружева безумной стоимости принадлежали не ей. Почему же следователь спросил: «Ваше»? Где он это взял? Глупо признавать бюстик своим, чашечки на Буренкино вымя перед дойкой, у Юли размерчик намного миниатюрней, тут дураку видно. Сказать, не мой – а вдруг будет хуже? Она поостереглась что-либо говорить, а то выкручивайся потом!

– Эту деталь нижнего белья мы нашли в машине вашего мужа, – пояснил следователь, не дождавшись ответа. – На заднем сиденье.

Как все люди на свете, Юля сначала представляет сказанное, картинку рисует в воображении. Итак, Ванькина машина (почти автобус дальнего следования) сиротливо стоит на пустынной улице, а в салоне на заднем кожаном сиденье валяется лифчик неизвестной коровы. Как он туда попал? Конечно, его сняли. Значит, в салоне бабища с сиськами величиной со среднюю человеческую голову раздевалась… Какого черта ей понадобилось раздеться зимой в машине?! Во всем этом есть некая лажа, подвох. Юля вскинула растерянные очи на морального садиста напротив, Константин повторил вопрос:

– Это ваше белье?

– Не помню. – Не говорить же: да, мое!

– Вот как! Вы не помните, какое белье на вас надето и где его снимаете?

– У меня этого барахла половина гардеробной. Кстати, размер не мой, вы разве не видите? Может, кто-то подарил, а я хотела отдать… м… знакомой, вот и кинула в машину.

Славно выпуталась: подарили, решила передарить, потому что не подошел размер. Логично. А умный Костя усомнился:

– Без упаковки.

– Что? – не поняла она, так как до сих пор вычисляла, как попал в машину мужа бюстгальтер.

– Странно, что вы дарите вещи без упаковки.

– Можно водички?

На самом деле в горле пересохло, еще бы! К тому же требовалась маленькая пауза. Следователь налил воды из графина в стакан из тонкого стекла и подал ей. Она пила и мучилась: «Вот что на самом деле он думает? Как понять, что ему надо?» Очередной вопрос Костика не стал неожиданностью:

– Где вы были в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое декабря?

– Дома, разумеется, – поставив стакан, ответила Юля. – В спальне. На втором этаже. На кровати. Одна.

Когда она чеканила короткие фразы, он медленно поднял на нее глаза… а у Юли сердце ухнуло вниз: на нее смотрел инквизитор, который ровным и бесстрастным голосом задал очередной вопрос:

– Свидетели есть?

– То есть, кто-то должен был находиться со мной в спальне?

– Достаточно, чтобы этот кто-то находился в доме.

– Я была одна. Дети поехали с моей мамой в Великий Устюг к Деду Морозу… Я ждала Ивана, не дождалась, легла с книгой… э… с журналом… включила телевизор и заснула.

– Что вы знаете о делах вашего мужа? – переменил он тему, слава богу.

– Ничего. Абсолютно ничего. (Это была чистейшая правда, Ванька в бизнес ее не пускал.)

– Враги у него имелись?

– Откуда ж мне знать! Были, наверное, раз взорвали. Но Ванечка никогда не обсуждал дома неприятности.

– А вы не интересовались.

Юля отметила про себя, что у Константина свет Ильича препротивная привычка чаще констатировать, нежели задавать вопрос. Констатация механически настраивает на оборону и агрессию.

– А зачем? – дерзко бросила Юля. Ух, ты! Костя в тупике, по его красивой роже видно! – Зачем мне дела мужа, дебиты-кредиты, приход-расход, какие-то проценты? Я до сих пор не умею вычислять проценты, в школе освоила только арифметику, алгебра для меня была уже пыткой, так что цифры – мои враги… или я их враг в бутике…

Надо было зашить рот, прежде чем сюда ехать. Вон у следователя Кости глаза помутнели, видимо, женщин типажа Юли он органически не выносит. Или встречался в этом кабинете только с бандитками и бомжихами, оттого такой неласковый. «Сидит и молчит, – не без раздражения думала она. – Чего уставился, блин? Как будто я его кинула на сто тысяч баксов. Это взгляд убийцы, а не следователя».

Она отвела глаза в сторону, чтобы отвлечься, а то коленки начали предательски подергиваться. Но на чем здесь остановить взгляд? Стена слева. Стена справа… ой, справа перед стеной пыхтел адвокат Саня. Впереди – Костя. А размер кабинета… у Юли сортир на втором этаже и то больше!

– Попрошу не покидать пределы города, – вернул ее из дум следователь.

– А? – встрепенулась она.

Он что-то писал, не поднимая головы, сказал:

– Прошу не покидать пределы города. Если вы и сейчас не расслышали, возьму подписку о невыезде.

– Не надо подписки, я расслышала. – «Подписка» звучит слишком зависимо, а Юля последний час тяготела к сладкому слову «свобода».

– Можете идти, – бросил следователь.

– Я могу забрать это?.. – указала она на чужой лифчик, найденный в брошенном автомобиле мужа.

– Нет, – получила короткий ответ, затем следак Костя, проткнув авторучкой воздух в сторону Сани, строго сказал: – А вы останьтесь.

Саня, успевший приподнять зад со стула, нехотя опустился назад, зато Юля торопливо подскочила, попрощалась, но у выхода вспомнила:

– А когда мне отдадут тело моего мужа?

– Собственно, тела нет… – соизволил ответить Костя.

– Ладно. А когда отдадут то, что есть? – Он метнул в нее взгляд Василиска или даже самого Зевса, метающего молнии в провинившихся людишек, после чего Юле расхотелось получать даже то, что осталось от мужа Ваньки, она спешно попрощалась: – До свидания.

– Юля, ключи возьми, – протянул Щелоков связку с брелоком. – Подожди меня в машине.

2

Работал телевизор. Если днем Влада иногда выключала телик, то ночью он без перерыва пахал, создавая иллюзию живой компании. Ей, натуральной светской львице (во всяком случае, она стремилась к этому званию изо всех своих силенок), ей, привыкшей тусить каждый вечер, сидеть взаперти просто невмоготу. Это такой напряг – хоть вешайся. Однако Влада создана для праздника, любви и богатства (это внушали ей мужчины, она, разумеется, верила им), а не чтобы сдохнуть, болтаясь на веревке, но обстоятельства сложились…

– Дерьмо! – вслух сказала Влада со светской прямотой. – Дерьмо, а не обстоятельства. Почему я? Ну почему мне досталось это, блин, «счастье»?

Сидя на диване со скрещенными по-турецки ногами, она нервно расчесывалась массажной щеткой, таким образом снимая стресс, заодно укрепляя длинные, ярко-желтого оттенка волосы. Крашеные, разумеется. Не будь вынужденного затворничества, сейчас Влада сидела бы в салоне красоты, где ей отутюжили каждую волосинку, – нынче в моде абсолютно прямые пряди. Приходится самой маски накладывать, волосами заниматься, от самодельных процедур никакого релакса…

Раздалась мелодия звонка. Владе не велено отвечать никому, но вдруг это важный звонок, после которого судьба кардинально изменится? Смартфон она получила в подарок недавно, находилась в стадии изучения и еще не расставила мелодии по контактам, потому с опаской протянула руку к столику рядом с диваном, взяла трубку. Увидев имя, буркнула:

– Да?..

– Привет, Владочка, – замурлыкал мужской голос. – Ты никуда не выходила, девочка?

– Нет, – взяла она с ходу капризный тон, что получалось у нее слишком вычурно, неестественно. – Пока нет…

– Что значит пока? – рассердился он, превратившись из кота в тигра, судя по тону. – Я же сказал: не выходить, на звонки не отвечать, никому не звонить, никого не впускать в квартиру.

– А я что делаю! – взвилась девушка. – Торчу в четырех стенах одна, как дура, блин, подыхаю со скуки, блин. Не понимаю, почему я должна прятаться! Долго мне взаперти сидеть?

Прямо он не говорил, только намеками:

– Ты же не дура, соображай. Ты была там и жива… Когда выяснят твой адрес, а рано или поздно они выяснят… надеюсь, тебе понятно, что будет?

– Понятно! – рявкнула Влада, на самом деле ничего не понимая.

– Я знал, что ты умница.

Похвала только разозлила девушку, в данную минуту она с большим удовольствием послала бы «друга» на все положенные буквы… вместо этого ворчливо проговорила:

– У меня продукты заканчиваются, мне что, голодать, да?

Продуктов полно в холодильнике, Влада запасливая, любит, чтобы всего было много. Дома деньгами не сорили, мама растила ее и сестру одна, не голодали, но и не шиковали. Просто когда есть кому платить, тут уж Влада не скупится.

– Продукты закажи по Интернету, тебе все доставят, – нашел выход он.

– Да? А платить-то кто будет?

От такой наглости на другом конце города несколько опешили:

– Ты… ты… я же… перечислил на твою карту пятьдесят штук…

– Ха! Что такое пятьдесят штук в наше время! Копейки. Я купила к Новому году платьице и туфельки, или мне идти на тусовку голой?

Солгала и с чистой совестью зевнула, пока он приходил в себя. Пауза ей понравилась. Чисто женским чутьем Влада уловила, что, владея его тайной, может вытягивать из него денежки бесконечно. Девушка повеселела и ждала, что он скажет. Дождалась:

– С тусовкой придется повременить ради твоей же пользы, а с продуктами что-нибудь придумаем. Пока, цыпа.

Цыпа положила смартфон на столик, фыркнула и отправилась на кухню выпить чайку или кофейку, или того и другого по очереди – делать-то больше нечего. Из развлечений у Влады остались комп с теликом, но соцсети надоели, там каждый придурок указывает ей на орфографические и пунктуальные «ошиПки». Телик тоже достал, устала жать на кнопки пульта, меняя каналы. Что можно книжку почитать, ей как-то в голову не приходило, за свои двадцать пять лет она ни одной книжки не дочитала до конца, а принималась раза три.

Турка на плите, Влада поплелась в ванную, чтобы положить щетку для волос, и, глянув в зеркало… залюбовалась собой, рассматривая отражение. Красивая, че там. Очень даже красивая, спасибо маме и говнюку папе, бросившему семью. Без косметики личико ничуть не теряет привлекательности, а некоторым без слоя штукатурки нельзя показываться на люди – испугаются. Да, Влада – супер. Черты – вот как вылепленные! Глаза умеренно большие, светло-коричневого цвета, брови дугой, носик ровненький-ровненький, губы красные и зовущие – словно набиты пухом. И шея чудо, и грудь no silicon, и фигура хоть спереди, хоть сзади… Но вот что плохо: при всем телесном богатстве у Влады нет ни денег на достойную жизнь, ни чертового образования. Остается один путь – доить мужиков, с этим тоже не все гуд.

– Не хотят козлы доиться, – сказала вслух Влада и вытаращила глаза. – Ой, кофе, блин!..

Кофе сбежал, но разве это повод к расстройству? Влада вылила в чашку то, что осталось, – и так сойдет. Села она, подперла скулы кулачками и, глядя в окно, где кипела предновогодняя жизнь, размечталась… Вот бы кинорежиссер приехал и взял Владу на главную роль. Еще лучше, если бы наследство получить где-нибудь за границей. Например, умер дальний родственник, о котором все позабыли, а Влада – его единственная наследница, которую долго искали адвокаты и нашли. На личном самолете она приезжает в старинный замок с башенками и бойницами где-нибудь во Франции, десятка два слуг склоняются перед ней, а Влада свободно щебечет по-французски, хотя не знает толком даже родного русского. С этой чудной идиллией, видя себя в кругу европейской аристократии, где ее зовет замуж принц (герцог, граф, маркиз, князь – все титулы подойдут), девушка задремала, улыбаясь выдуманному миру, встретившему ее, широко раскрыв объятия, словно только Влады там не хватало.

* * *

Упав в кресло автомобиля, Юля выдохнула с облегчением:

– Ху-х…

Машинально руки раскрыли сумочку, достали пачку сигарет… Опять! Сегодня уже со счета сбилась, какая это сигарета, но надо же как-то ослабить стресс или нет? Курила и в окно глядела. А там хаос: люди бегут с детьми, сумками, елками, коробками, растворяясь в сумерках. Главное, все эти пакеты-свертки можно купить в любое другое время, но народ предпочитает толкаться в ордах покупателей аккурат в канун праздника.

Снег пошел. Вяло опускался рыхлыми хлопьями, отбеливая унылую серость. Завтра тридцать первое. Юля приготовила роскошное платье темно-бордового колера из тончайшего бархата с открытыми плечами. Ммм, какое платье… Теперь она его не наденет и никуда не пойдет, да и цвет ей предстоит носить черный – фу, фу фу! Все-таки не любит Юля мрачность, ее и так полно повсюду. Вон весь город носит черное. Весь мир одет в черное, как на похоронах…

На сиденье водителя плюхнулся Саня.

– Наконец-то, – сказала Юля, выбрасывая сигарету в окно.

– Здесь не бросают окурки, – сделал он замечание. – Где ключи?

Ключи! Куда она их дела?.. Юля принялась выворачивать карманы, искать в сумке, тогда как Саня осатанел и беспардонно наехал на вдову, будто она его собственность:

– Я тебя не узнаю, Юла. Что с тобой? Ты на почве горя так обнаглела?

– Обнаглела?! Я?!

– Нет, я! – рявкнул не как Саня, а как Александр Ромуальдович, заставив Юлю вздрогнуть. – Чего смотришь? Ключи ищи!.. Пришла, села, нога на ногу, локоть на спинку стула! Вся из себя королевишна.

– Не понимаю… – протянула она ключи, найденные на дне сумочки.

– Не понимаешь?!

Он грубо выхватил ключи, вставил в зажигание, и… машина вылетела вперед, как пробка. Зад автомобиля слегка поводило туда-сюда по скользкой дороге, размятой мокрым снегом, но негодующее юридическое светило не боялось врезаться в столб, оно, вцепившись в руль, шипело и рычало:

– Не понимает она… Надо же, не понимает! Ты что, совсем тупая? Так ведут себя только идиотки. Клинические идиотки!

Юля обалдела… Эдакой словесной бомбежки от него не слышала никогда, в первое мгновение дар речи потеряла и ротик открыла, а в солнечном сплетении скрутило от страха – у нее в первую очередь реагирует на неприятности именно это место. Во второе мгновение поток оскорблений привел ее в чувство. В конце концов, Щелоков кто? Адвокатишко? Да за эти бабки она наймет сразу трех адвокатов. В следующий момент Юля показала, что и у нее есть голос:

– Саня Ромуальдович! Чего ты орешь?

– Пф… Чего я ору! Ха-ха! Видела бы ты себя. Удивляюсь Басину, почему он тебя не задержал? Я бы на его месте посадил тебя в СИЗО.

– Меня?! – ужаснулась Юля. – За что?!

– По подозрению! – прорычал Саня. – В убийстве собственного мужа!

– Рехнулся?..

– Это ты рехнулась! – грубо оборвал ее Саня. – Зачем наврала следаку, что плохо водишь машину? Да по одним штрафам – если проверить, а он обязательно проверит, Басин въедливый, – можно догадаться, что ты наглая автолетчица. Как звезда за рулем: тебя видят все, а ты – никого! Зачем врать, если правду узнать ничего не стоит? Объясни!

– Не знаю! – рявкнула в ответ Юля. – Как-то так получилось…

– Ты была похожа на заказчицу, а не убитую горем вдову, на заказчицу, которая счастлива, что прикончила мужа. Неужели трудно было поплакать настоящими слезами? Все женщины это умеют! Ты же дерзила, чё-то там из себя изображала, как плохая актриса в занюханном сериале…

– Я плакала! – огрызнулась Юля. – Когда узнала про Ваньку… поплакала. Или мне нужно реветь сутками напролет?

– Жены, моя дорогая, так и делают: ревут сутками напролет, теряя мужей, а уж твой Ванька… разве что луну с неба тебе не достал!

Действительно, луну не достал, но и не обещал. Юля промолчала, подумав про себя: «Да что с ним разговаривать, он ничего не может знать! Сане чужие проблемы – до самого высокого фонаря, даже когда ему платят. Такому человеку доверять поостережешься, несмотря на то, что перешел он по наследству, как старый пиджак, который никогда не наденешь, но почему-то не выбрасываешь».

– Не узнаю тебя, Юла, не узнаю, – задумчиво в страдальческой тональности сказал Саня. – Вся такая добропорядочная мадонна, кроткая хранительница домашнего очага… Ваньке все завидовали, все! И вдруг я вижу вульгарную кошку с крыши, презрительно разговариваю-

щую… с кем! Со следаком. Ты базарила с ним… как с плебеем! Учти, Басин мстительный, теперь будет не убийцу искать, а доказательства твоей вины.

– Моей?!.

– И найдет! Тем более, ты дала повод.

– С чего ты взял, что он меня… Нет, это… это бред! Полный бред! Подумаешь, не так сидела, не так смотрела… Басин ни намека не сделал, что меня подозревает.

– Ага, ага, – злорадно ухмыльнулся Саня. – Думай так, если нравится, думай. Он говорил с тобой минут десять, за это время только бумажки заполняют. Де-факто Басин свернул допрос. Это плохо, Юла, очень плохо для тебя. Он получил нужную информацию, теперь будет раскручивать ее. А тебя отпустил, чтобы не насторожить нас наводящими вопросами.

– А зачем он тебя оставил? – вспомнила она.

– Придрался. Я должен был оформить ордер, чтобы стать твоим законным представителем.

– И почему же ты не оформил?

– Замотался, думал, прохиляет. Так… надо что-то предпринять… Сиди дома безвылазно, поняла? А я попробую выяснить, что этот коршун замыслил, – на свете есть добрые люди, за пару сотен баксов секреты сдают. Может, найду рычаги давления на него. Ты поняла меня? Дома! И даже в окно не выглядывать.

М-да, не всякое наследство приносит радость, иногда оно обуза, как сей грозный господин. Что-то в его тоне, помимо сожаления, было отталкивающе противным… «Ого! – чуть не воскликнула Юля. – Санька, кажется, превращается в Ваньку, но одно дело – законный муж командует, другое… Его нужно поставить на место, он просто напрашивается!»

– Саня, а почему тебя не было на даче, если мой Ванька проводил там неформальную, тем не менее деловую встречу?

– Не пригласил.

– Третий лишний, да? – подковырнула Юля.

– О чем ты?.. А, бюстик… Не стоит придавать значения ерунде.

– Думаешь?

– Машиной Ивана могли воспользоваться гости…

– Которые его взорвали?

– Откуда я знаю! Меня там не было, я не знаю, с кем Иван…

И осекся. Видимо, увлекся и чуть не проговорился, во всяком случае, во время этой внезапно возникшей паузы внутри Юли заиграли бесы, подтверждая: Саня знает про Ванькины делишки, постельные в том числе, а тебя все держат за дуру, но ты же дура и есть, не так ли?

– Ну-ну, продолжай, продолжай, – подбодрила она. – Не бойся. Ваньки нет, от него и мокрого места не осталось, так что мне некому закатывать скандал, а тебе некого бояться. Итак, Санечка, ты не знаешь, с кем Иван… трахался в нашей машине. Поэтому тебя не пригласил, так?

У мужиков есть классная черта, пожалуй, единственная достойная уважения и даже восхищения, – друг друга не сдают, разве что в исключительных случаях. И Саня, истинный последователь наследия ходоков, взорвался так, будто Юля обвинила его в измене всем женам сразу и даже Отечеству:

– Зачем этим делом заниматься в машине, если нехилый домик имеется? Где ты слов таких нахваталась, под каким забором? С ума сойти! А мы-то думали, Юла соткана из улыбки, воздуха и света! Ничего себе, маскировалась.

– Я ваше порождение, Санечка, – сухо парировала Юля. – Мне приходилось лавировать среди вашего вранья, подобные маневры сильно портят характер.

За всю дорогу это был первый раз, когда Саня Ромуальдович с интересом и некоторой опаской уставился на нее. Она видела его боковым зрением и нарочно смотрела прямо, в лобовое стекло, невозмутимо бросив:

– Хочешь нас угробить? За дорогой следи, лично мне жить не надоело.

И пять минут натянутого молчания прошли как один миг. Просто у каждого было по полной голове мыслей – черных и белых, больных и вполне нормальных, в общем, кавардак, где все позиции представляются главными. В этом состоянии лучше не продолжать диалог, он заканчивается, как правило, взаимными обидами. Когда Саня остановился у дома, Юля не торопилась выйти из машины, он вынужденно заглушил мотор и отвернулся от пассажирки. Но еще минут пять прошло в молчании, прежде чем она заговорила, правда, ни разу не взглянув на него, будто боялась увидеть нечто неприятное:

– Меня поражает в нашей жизни, Саня, одна малюсенькая деталь, но она ломает большие планы, даже жизни. Ложь. Подумаешь, ерунда, да? Но эту ерунду никто не любит. Вот ты любишь, когда тебе лгут?.. Молчишь? Значит, не любишь. А ведь лгут практически все. Даже я. Правда, по мелочам… И ты лжешь наверняка не по мелочам. Главное, сколько весит ложь, иногда ее размеры слишком велики, чтобы… чтобы простить. Человек лжет, прикрывая свою врожденную подлость. Может быть, он не виноват, гены затесались лживые, доставшиеся от дедушки, который жил лет пятьсот назад, а лгун всего-то добивается лада, мира, гармонии. Но с его позиции мира и гармонии, в его понимании удобства. Притом, что особенно замечательно, от других он хочет… нет, требует честнейшей правды и благородства – эти качества любят все, только не у себя, а у других. Он прав, конечно, потому что ложь унизительна, омерзительна и оскорбительна. В общем, что хочу сказать… я все понимаю, Саня, не совсем дура… но почему роль тупого идеала отводится одной мне, а?

– Эт ты к чему?

Не имея ни малейшего желания растолковывать ему что-то еще, она открыла дверцу, ступила на девственно-чистый снег, вдохнула свежий и влажный воздух. И захлопнула дверцу. А потом пошла по аллее к дому, бубня под нос, но он не слышал:

– Я к тому, Саня, что ты мог быть со мной откровенней, а не прикидываться шлангом.

По звуку машина с Щелоковым умчалась, и Юля остановилась. Вот ее дом – мечта каждой Золушки, живущей в трущобах и только во снах видевшей себя в подобном тереме, где много света, комнат, простора… Теперь можно поставить жирное «но». Потому что далеко не все в подобных обиталищах дышит пресловутым благополучием. Конечно, есть счастливицы, чувствующие себя роскошным дополнением к теремкам и мебели, однако среди знакомых Юли подобных везучих не водится, включая ее.

– Господи, как же быть? Как мне теперь жить, а?

Не имея ни малейшего желания заходить в эдемский сарай, изрезанный внутри ментальными трещинами, которые старались не замечать его «счастливые» обладатели, она резко повернула к гаражу, а через пять минут выехала на своем внедорожнике цвета вороного крыла. Дальше и дальше от эдемского счастья уезжала Юля. Настойчиво зазвонил айфон на пассажирском сиденье. Она взглянула на дисплей, трубку не взяла, сказав звонившему:

– Да пошел ты к чертовой матери!

* * *

Дверь открыла Роза: сто пятьдесят кг при росте метр шестьдесят – и вход в квартиру надежно перекрыт, ни одна армия не возьмет этот блокпост. А Юле удалось. Она решительно рванула вперед, потеснив бесформенную массу в махровом халате, и очутилась в квартире, бросив на ходу:

– Бобик дома?

– Э… м…

Роза не ждала ее, не рада, растерялась, но сегодня сей факт не задел Юлю невежливостью. В другой раз она бы фыркнула и, язвительно извинившись за вторжение, ушла, однако времена меняются, вместе с ними люди. Юля прямиком двинула в гостиную, оглядываясь по сторонам и крича:

– Бо-бик! Боб! Выйди на минуточку!

– Он в ванной, – подала сзади голос Роза. – Мы приглашены на сегодня, Бобик собирается…

Давая понять хозяйке, что она здесь надолго, Юля кинула шубку в кресло, сумку – на диван и плюхнулась рядом на вышитые подушки – архаичное наследие бабушки-рукодельницы. Квартира у Бабутко из пяти комнат в элитной новостройке, казалось бы, этим все сказано, а вот и не все. Напичкана элитка в прямом смысле хламом, Борька (муж Розы) занимается собирательством – всякие статуэтки разных эпох, особенно советской, вазочки, светильники. Коллекция выставлена в гостиной, в результате эта довольно большая комната напоминает тесную лавку старьевщика.

– Где Боб? – переспросила Юля, развернувшись к хозяйке.

– В ванной, – пискнула та. У нее удивительно противный высокий голос, впрочем, не исключено, что так кажется только Юлии.

Тут и хозяин нарисовался, на ходу причесывая волосы тонкой расческой. Вообще парочка, когда стоит рядом, смотрится карикатурой: Боба словно протянули сквозь водопровод, оттого он вытянулся в длину, изрядно истончившись, а Розу несколько раз огрели кувалдой по головке, она приобрела форму кубика.

– Здравствуй, Юла. – Боб подсел к ней на диван, прикрыл тощие коленки махровым халатом (скромняга) и участливо спросил, едва не пролив скупую мужскую слезу: – Как ты?

– Нормально. – Но она пришла не за жалостью и сочувствием, тем более дружна с ними не была, чтобы делиться переживаниями, Юле нужно срочно кое-что выяснить. – Бобик, можно тебя спросить?

– Конечно.

Но… «Боже, боже! – неожиданно запаниковала она, глядя в безвольную физиономию Боба, на прилизанные мокрые волосы пегого цвета и рот обиженного ребенка с тонкими усиками над верхней довольно объемной губой. – Такой деликатный вопрос… такой стыдный… а тут эта стоит… Розалинда хренова». И не первый раз мелькнула крамольная мысль: интересно, как они в постели-то?.. Ну вот зачем лезут в голову подлые мысли, да еще в самый неподходящий момент? Невольно Юля вообразила эротический экстаз в их исполнении, отчего прыснула, но взяла себя в руки и поспешила замять нелепость:

– Боб, ты был другом Вани… – Она выразительно покосилась на полтора центнера у входа. Нет, Роза не уйдет, придется при ней… – Ты с Иваном давно работал, наверняка предполагаешь, кто его… мог?..

– Не знаю, клянусь!

Ишь как испугался! Возможно, он был искренним и сказал правду. Возможно, чужое любопытство действительно вызывает ужас в первый момент, так как неосторожное ответное слово может в будущем дорого стоить, посему желательно отделаться от провокационных вопросов сразу. Но возможно, этот жидкий мужчинка лжет, что наиболее вероятно, а у лжи реакция всегда неожиданная. Тесно работая с Иваном, не знать тайных процессов в фирме и, как следствие недругов, невозможно. Так или иначе, но весь этот спектр предположений вызвал справедливый гнев, ибо Юля не получила внятного ответа, точнее – повода к дальнейшему диалогу. Внимательней взглянув на Боба и Розу поочередно, она поняла: «гостеприимные» хозяева ждут не дождутся, чтобы незваная гостья убралась в свой хауз за высоким забором и заперлась там со своим горем.

– Ты меня не понял, – разочаровала их Юля, откинувшись на спинку дивана, тем самым показывая, что не намерена убираться. – Я хотела спросить, за что могли убить Ивана?.. (Классическая томительная пауза, как на сцене.) Он же что-то делал не то… или не так… а? Боб, ты должен знать хотя бы примерно.

Дала ему лазейку: должен знать хотя бы примерно, а Боря закатил глаза к потолку – штамп тоже сугубо театральный, которым пользуются бездарные актеры. И тут маленький броневичок Розалинда выступила вперед всей своей массой, выручая мужа:

– Ты жена, тебе лучше знать, что наделал твой Иван.

– А я не знаю, – вяло бросила в ее сторону Юля, не сводя глаз с Боба. – Тебе-то хорошо известны проблемы моего Вани, Бобик.

– Нам известны! – желчно произнесла жена Бобика, постукивая носком ноги в тапочке об пол.

– Нам? – повернула к ней Юля голову, надменно приподняв одну бровь. – То есть тебе?

– Мне, мне, – закивала броневичок Роза. – А тебе бы раньше задуматься, почему твой муж не делился с тобой своими проблемами.

Столько лет они знакомы, а Юля не подозревала, что этот кубик Рубика так не любит ее, злорадствует и вместе с тем завидует ей по-черному. Вопреки логике Юля одарила жену Боба благодарным взглядом (за типично женский порыв отыграться) и подлила масла в огонь, зная, что сейчас получит нужную информацию:

– А что тут думать? Ваня любил меня и берег.

Ей бы психологом работать! Да, угадала. Розалинда, всю жизнь вынужденная облизывать Юльку и раболепствовать перед Иваном, чтобы тот не попер ее Бобика с работы, наконец-то получила реванш, правда, маленький. Как же упустить шанс, когда «барыне» Юльке можно вмазать хотя бы ядовитым словцом, губительно воздействующим на самолюбие, – это ли не кайф для изможденной завистью души?

– Ваня, положим, многих любил, – сказала она, сделав на второй половине фразы чуть утрированный акцент.

– Роза! – с упреком бросил Бобик.

– Ой, да ладно, – махнула рукой в его сторону жена, дескать, молчи. – Юла, не прикидывайся, что ты не знала.

– Что именно? – недоуменно вытаращилась гостья.

– Про похождения твоего Ваньки, – боднула Юльку Роза-Розалинда. А вот дальше она толканула речь в духе революционерки на печке: – Вот только не надо делать такие глаза, ты не наивная девочка, тебе просто выгодно было не видеть. Вообще-то бабы твоего мужа – не мое дело. Меня другое удивляет: твои вопросы, такой наивняк… Купаться в роскоши и думать, что Иван добывает бешеные денежки честным трудом, вызывает, по меньшей мере, смех. Странно, что нас всех не взорвали! А уж тебе-то как повезло, что не была вместе с детьми рядом со своим Ванькой в тот самый миг, когда он разлетелся на части! Но просто так, ни за что бомб не подкладывают. Вы же ни с кем не считались. Всегда были вы и ваш золотой мирок да бабло, которое оба безумно любите. Так безумно, что для вас не грех обмануть, обокрасть, предать тех, кто вам же добывает бабло. На вас пашут, а вы – по заграницам, тусовкам-банкетам, по магазинам-бутикам, с ног до головы в шоколаде и плюете на остальных.

В общем-то Юля сама напросилась на моральную пощечину, потому не стоило болезненно реагировать. Но когда впервые слышишь подобные вещи, не подозревая до этого, что о тебе думают на самом деле те, кто в рот заглядывал еще недавно, становится не по себе и страшновато.

Страх родился из ощущения полного и непреодолимого одиночества, возникшего не враз, а задолго до этой минуты, только раньше не имелось мудрости понять его. Сейчас, слушая обличительные откровения Розы, которая долго вынашивала злобу и наконец-то вывалила ее,

когда Юлю придавило несчастье, она вдруг поняла, что всегда была одна. Это как в пустыне: куда ни глянь – никого. И ни-че-го. Куда идти, к кому обратиться, где искать помощи и поддержки? Кругом только море бесполезного песка и бесконечная даль. Страшно…

Отсюда вся шелуха гламурности с Юли слетела, она сгорбилась, переплела пальцы рук, локти установила на колени и опустила голову, слушая каждое слово, потому что слова были честные, шли от души. Неважно, какой души – черной или слегка просветленной, слова выстраданы, стало быть, доля истины в них заложена. Главное – и это как раз чистейшая правда, – Юля действительно ничего не знала о делах мужа, в какой-то момент пролегла между ними воздушная граница, отделяющая интересы. Но в данную минуту нужно отставить сопли в сторону, одинокий человек умеет защищаться, и Юля выпрямилась, тон взяла спокойный, прохладный:

– Как ты сказала? Обмануть, обокрасть, предать? Но твой Бобик был правой рукой Ивана, значит, он делал то же самое, так, Боб?

– Не то же! – огрызнулась Роза. – Не то же, потому что Борю твой Иван заставлял. Чувствуешь разницу? Борис тащил весь воз бизнеса твоего Ваньки на своих плечах, взамен получал шишки.

Борька экономист, в переводе с русского на русский звучит прозаично: бухгалтер, почти как «бюстгальтер», нечто типа чехла, прикрывающего неприличия. Бухгалтер в Юлином представлении имеет два значения – вор и вор-подпольщик, просто вор подыгрывает шефу, а подпольщик – в свой карман тырит.

– Отлично, – поднялась Юля. – Завтра, Боб, ты мне в Ванькином офисе расскажешь про воз, который тащил, я собираюсь переложить его на свои плечи, раз твои… устали.

– Завтра тридцать первое… – напомнил тот, вставая с дивана.

– Разве правительство объявило всероссийский выходной? – сказала Юля, надевая шубу. – Нет? Теперь мне предстоит разобраться.

– Ты сможешь разбираться только по истечении шести месяцев, когда вступишь в права наследования, – сказал он.

– Да? А до этого, считаешь, я должна угробить дело мужа и остаться без средств к существованию?

– Не знаю, может, законы сейчас изменились и тебе можно подключиться… – замялся Боб. – А как ты собираешься руководить бизнесом, Юла? У Ивана было несколько направлений, ты хоть что-то смыслишь в этом?

– Не боги горшки лепят, Бобик.

– Оно конечно… Впрочем, выход есть. Выберешь президента из нашей компании, он и будет вести предприятия. Но сначала проконсультируйся у юристов.

«Странно, что светило адвокатуры не поставило меня в известность о таких тонкостях, чтобы я не выглядела дубом пред этими пресмыкающимися из отряда гадов», – подумала Юля, вслух же произнесла беспечным тоном:

– Непременно. Итак, завтра, Боб, встречаемся в одиннадцать. Бай-бай.

Юля помахала ручкой кубику Рубика и вихрем в прихожую переместилась. Боб побежал проводить вдову, когда вернулся, его дорогая Роза сидела в кресле, скрестив на груди руки и хмуря густые брови. Впрочем, у нее постоянно хмурое лицо, она как будто младшая сестра непогоды, готова ныть и плакать, плакать и ныть. Боря когда-то женился на другой женщине. Девушке. Разумеется, была она и тогда в теле, похожая на сдобную булочку, с ямочками на упругих щечках и смешливыми искрами в оливковых глазах. А как легко с ней было… Но как трудно сейчас. Борис не хотел это бесформенное тело, не тянуло его целовать эти поджатые губы с ворсинками-усиками над верхней губой, он остыл. Сорок три ему, ей – тридцать восемь, а он остыл. Наверное, не в размерах и не во внешности дело, внутреннее устройство жены,

которое она сама же и сконструировала в себе, не волнует Бориса, более того, отталкивает, раздражает.

– Эта дура будет всюду совать свой нос и мешать, вот увидишь, – предрекла Роза. – Должен же ты забрать свое, что тебе положено, или нет?

– Должен, должен, – не спорил Боб, хотя ему было неловко перед Юлей за себя и за свою вторую половину. Жена Ваньки ушла, а неловкость осталась с ним. – Не бойся, Юла глупа, ничего не поймет.

– Надеюсь. А если прикидывается дурой?

– Ни одна умная с Ванькой не жила бы столько лет.

3

Юля подводила итог похода к Бабутко (фамилия нелепая, как они оба). Итак, первое выяснила: Ванька любил баб, значит, изменял ей, причем Юля единственная, кто не знал о похождениях мужа. Подозревать подозревала, но доверяла не своей интуиции, а его словам. Второе: Бобику верить нельзя. Третье: Розалинда прямо указала на тот факт, что Иван жулик. Чем это грозит Юле и детям? Наверное, все зависит от размера жульничества, впрочем, раз взорвана дача…

– Юля! – взвизгнула Зиночка, едва открыв дверь квартиры.

В пространстве, где ложь легитимна и уважаема, искренность выделяется подкупающей непосредственностью и даже детскостью. Однако Зиночка ребенок и есть, неиспорченный, милый ребенок, непонятно, где ее откопал Мишка. Через мгновение на славненьком личике Зиночки эмоция радости сменилась растерянной жалостью, рыженькие бровки сошлись на лбу домиком – она вспомнила, что Юля внезапно овдовела, что радость сейчас неуместна. Тем временем гостья повесила шубку в узкой прихожей, сбросила сапоги и, засовывая ступни в тапочки на пять размеров больше, поинтересовалась:

– Мишка дома?

– На кухне.

Михаил без дела не умел сидеть, он постоянно что-то сооружал-мастерил-ремонтировал, иногда казалось, этот по всем признакам образованный молодой человек (с Юлей, кстати, они ровесники) способен собрать космический корабль кустарным способом. По виду Михаил гуманитарий, аккуратный и подтянутый, в чем-то педантичный. Знакомы они с пеленок, оба ходили в один детский сад, в одну школу, в один класс, в детстве дрались, после длинного совместного марафона не жениться же им было, в самом-то деле! Итак, Миша, согнувшись в три погибели, чего-то на коленях сооружал. А на кухонном столе (здесь тоже все сделано руками Мишки) Юля заметила молоток, гвозди в жестяной коробочке, пряжки, шнурки, тюбики. Она упала на табурет, ладонью сдвинула в сторону железки, не забыв поздороваться:

– Привет, Мишель. Чаю мне!

– Э, э! – поднял он голову. – Поосторожней, я гвоздики полчаса сортировал, а ты перемешала…

– Гвоздики! – фыркнула Юля. – Тут вся жизнь перемешалась…

– Прости, Юла, я забыл…

– Ай, брось, – прервала она и подперла щеку ладонью. – Что это будет?

– Сапоги Зинуле подбиваю, чтобы не скользили. Ей же падать нельзя.

Здесь Юля чувствовала себя в своей тарелке, а Михаила считала больше братом, нежели другом, но одинокость не прошла и тут. Когда эта субстанция обнаруживается внутри, о ней невозможно забыть, она, как хромая нога или горб, всегда при тебе. И так теперь будет всегда. Юля перевела взгляд на Зинулю, бегающую между плитой и столом, – круглолицую, конопатую девчонку с задорно вздернутым носиком и темно-рыжими кудряшками, отливающими золотом, когда на них попадал свет. Сейчас в ней самое примечательное – живот, он огромен.

– Малышка, не скачи, – строго сказала Юля, беря чашку с чаем. – Еще родишь раньше срока. Миш, ну ты и откормил ее, живот до потолка вырастили.

– Зинуля, – ласково обратился к жене он, – иди киношку посмотри, а?

– У вас секреты? – улыбнулась Зина, абсолютно не обидевшись. – Ладно. Достань коробку конфет и печенье, накорми Юлю. Ага?

И убежала, будто не беременная вовсе. Михаил старше Зиночки аж на шестнадцать лет! Что сказали бы благонравные святоши, услышав о такой разнице в возрасте? Мезальянс, выгода и… Нет, какая бы мысль ни посетила умудренные опытом головы, они будут не правы,

потому что эта пара создана по древнему принципу – любовью. Потому в их скромной однокомнатной квартире море живого пространства (да, оно бывает мертвым, как в доме Юли), океан сияющего света и тысячи мерцающих звезд в глазах, выдающих простое человеческое счастье. Михаил поставил коробку с конфетами на стол, но Юля отказалась:

– Да не хочу я… Была сегодня у следователя.

– Я так и понял: надо поговорить без малышки.

– Не в том дело. Кстати! Почему позволяешь ей носиться как угорелой? Последний месяц нужно поберечься.

– Я не разрешаю, но она забывается. Так что там следак?

– Меня подозревает. Кажется.

– Дурак?

– Ме-а. Он какой-то… – Юля задумалась, запрокинув голову и уставившись в потолок, однако следователь не вмещался в короткую фразу. – Он… он Константин Ильич! Смотришь в его круглые зрачки, плавающие в бледно-голубой сфере, и понимаешь, что значит инквизитор. Я знаешь, зачем приехала? Была у Бобика, он сказал, что до вступления в права наследования я не имею прав на бизнес Ваньки. Это так?

– Мне кажется, чушь собачья, Юла. Неужели после смерти человека все должно рухнуть? Нет, не может такого быть.

– Я так и подумала. Потом Бобик сказал, что я могу назначить руководителя… директора… а?

– Не знаю. Проконсультируйся с юристами.

– А ты мог бы взять бизнес Ивана в свои руки? Ты же знаешь, как все работает.

– Юла, твой Ванька выгнал меня семь месяцев назад, народ неправильно поймет мое возвращение, да еще в качестве президента.

– Плевать на народ!

Она слишком резко бросила фразу, следом встала, но на кухне не развернешься! А нутро распирало от новых ощущений – эта адская смесь не позволяла спокойно сидеть, Юлю тянуло разгромить хоть что-нибудь, однако метаться негде, громить будет дома свою собственность, а не чужую. В бессилии Юля водрузила руки на пояс и свирепо дышала, усмиряя слезы, готовые хлынуть из глаз.

– Не психуй, – внес в напряженную атмосферу спокойную ноту Михаил. – Моя кандидатура навредит тебе, сама же говорила, что следак тебя подозревает.

– А больше я никому не доверяю.

– Ооо… – протянул он с ухмылочкой. – А сколько вокруг вас вилось дружбанов…

– Лицемеров, – подправила она.

– Жаль, что ты только сейчас это поняла. Вспомни, сколько мы с тобой ссорились из-за ваших холопов.

– Какой ты злопамятный!

– А то! Ладно, тебя не переспоришь. Говори, что еще?

Настал момент, изматывающий душу, ведь Юля в своем одиночном коконе не делилась сокровенным ни с кем. Она успешно разыгрывала независимость, беспечность, легкомысленность, а тут предстояло открыться и вытащить на свет белый себя настоящую. Мишка ее неплохо знал, лучше, чем кто-либо, включая родного мужа, но иной раз самой страшно заглянуть в себя. Не сразу Юля решилась на тривиальный вопрос:

– Мишка, скажи честно, Ванька меня обманывал?

– С чего ты взяла? – невозмутимо произнес он.

– Цветок засохших прерий Розалия расписала, – с усмешкой ответила она. – Да нет, я сама чувствовала… иногда срывалась… потом Ванька убеждал, что чист как младенец… а у меня не было доказательств, чтобы что-то начать менять.

– Юла, какая теперь разница?

– Большая! – возразила она. – Большая. Мне важно… да просто хочу знать, все знать! Лучше поздно, чем никогда. Я должна определиться, как жить дальше. Хотя… чего я пристала к тебе? Если бы Иван отличался целомудрием, ты не задавал бы мне глупых вопросов. Итак, ты тоже знал… А почему мне ни слова?

– Догадывался, – поправил Миша, выставив указательный палец, – это разные вещи. За то время, что я проработал у него, Иван не афишировал своих пассий передо мной. Думаю, он побаивался меня, отсюда искал повод уволить и нашел. Но слухи ходили.

– Поделился бы слухами.

– Не мог. Пойми, Юла, я не разносчик сплетен – раз. Два – не видел собственными глазами, три – слова без доказательств ничто, ноль. Иван все равно убедил бы тебя, что он свят, как нимб над головой пророка. Ты поверила бы ему, а не мне, просто у таких людей есть тысяча и один прием заставить им верить.

– У таких? – подхватила она. – Кстати, а каким был мой Ванька? Без меня каким он был?

Михаил поставил сапожок на пол, выпрямился. Он не разбрасывается эмоциями, сдержан, но Юля знала: Мишель изумлен и немного смущен, ведь со времен ее замужества они серьезно не разговаривали, особенно на столь щекотливые темы.

– Был очень разным, Юла, – спустя пару минут произнес Михаил. – Как бы это сказать… непредсказуемым. Полагаю, именно про таких людей говорят – человек настроения… еще – сам себе на уме… А я бы другую оценку дал: хамелеон. Только все это на эмоциональном уровне, не более.

И ничего конкретного. Но Мишка не любитель лезть в чужую жизнь даже из праздного любопытства, а уж когда тебя туда не зовут… Юля не пускала друга детства в круг своих проблем, так он же не настаивал! Да и не догадывался, что у нее существуют проблемы, однако всегда приходил на помощь, если она об этом просила. Он очень щепетильный. А Юля ему помогала без просьб: связями, поддерживала морально, сейчас – так и материально. Из него вышел бы гениальный изобретатель, но данный сегмент человеческой деятельности не востребован, Мишка метался в поисках места под солнцем и по стране, пока однажды не вернулся. Тогда-то Юля настояла, чтобы Иван взял его на работу, на *хорошо оплачиваемую* работу. И вот что удивительно…

– Знаешь, Мишка, не могу разгадать одну загадку: я жена, конечно, первоклассная…

– Скромность украшает человека, – вставил он на безобидной улыбке.

– Не юродствуй, – беззлобно сказала и Юля. – Так вот, первоклассная жена еще не повод жить с ней до гробовой доски. Я же не красотка…

– Ты чрезмерно строга к себе. С каких пор?

– …требовательна, – продолжила без паузы Юля, – ревнива, не сдержанна, бывало, скандалила… М-да, не ангел я, не ангел, нет. А зная паскудный характер моего Ваньки, вообще удивляюсь, что он до сих пор меня не бросил ради какой-нить тупой очаровашки с шестым номером лифчика, ведь старые жены надоедают. Наоборот, он всячески старался мне угодить…

– Разве это плохо?

– Плохо, Мишка, плохо. Потому что чуть-чуть не хватало искренности. Угождал для чего-то! А для чего?.. В чем причина? Каким же был Иван там, где у меня не имелось доступа? Не могу отделаться от мысли, что история с Ванькой… не закончена, для меня она только началась.

– Не знаю, что сказать, Юла.

– А ты подумай, когда будешь второй сапог совершенствовать.

– У Ивана наверняка имелись какие-то черные дела, ему не хватало порядочности, справедливости. К сожалению, талант зарабатывать деньги и моральные нормы не всегда находятся в гармоничном сочетании друг с другом.

– Ну, все, поеду отдыхать. Устала. Малышка! – позвала Юля Зиночку. – Проводи меня!

Она встала, допивая остывший чай, за ней поднялся и Михаил:

– Юла, поговори с Щелоковым. Он тесно общался с Иваном, к тому же адвокат, твой муж постоянно советовался с ним насчет законности. Щелоков должен знать все его подводные маршруты.

– С Щелоковым… нет, не хочу. А ты подумай, чем еще поможешь. Мишка, мне некому довериться.

– Ладно, ладно, Юла, я подумаю.

– Тогда начинаем действовать завтра же.

– Завтра?! – не пришел он в восторг от ее плана. – Минутку. Юла, давай я пока не буду светиться в офисе твоего Ваньки? Не стоит напрягать народ раньше времени. Ты получи отчеты за год у Бобика и привези мне, а там посмотрим.

– Хорошо. – А в ней появилась решимость, которой раньше не было близко. – Пока, Мишель.

В прихожей Зиночка держала Юлину шубку, окунув курносый носик в мех, пока та надевала сапоги. Юля обулась и бесшумно закрыла дверь, ведущую в комнату, а затем протянула руку за шубой.

– Какая мягкая и легкая, как пух, – отдавая, рассмеялась Зина.

– Я подарю ее тебе, но не сейчас, а то замерзну и простужусь.

– Тебе не жалко?!

– Нет. Бог сказал, что надо делиться, если у тебя всего много. А пока вот… держи…

Юля протянула несколько купюр, но Зина попятилась:

– Не, не, не… Миша ругается, когда я беру у тебя деньги.

– Не спорить со старшими! – напустила на себя строгость Юля. – Тебе следует питаться, витаминов побольше есть, да и Мишке тоже. Потом для малыша следует купить много чего, на его нынешнюю зарплату не разгуляешься. Это материальная помощь… Ну-ка, взяла быстро!

Как тут не возьмешь! Зиночка прижала купюры к груди, тем временем Юля чмокнула ее в щеку и ушла.

С полчаса она сидела в машине, не зная, куда направиться. Стемнело. Снег стал гуще. Юля подняла глаза на фонарь и наблюдала за хаосом из мелких мушек. Мушки плавно фланировали, укрывая лобовое стекло, Юля знала: они белого цвета, но в желтом свете фонаря были черными точками, похожими на пепел. Так куда же, куда ей? Не домой – нет и нет! Да что же, в современном городе негде переночевать? А гостиницы! Юля вставила ключ в зажигание…

Из-за угла вывернул легковой автомобиль, засыпанный снегом, нагнал Юлю и следовал за ней на расстоянии шести-семи метров. Она, конечно, преследователей не замечала, да и никто не заметил бы, ведь сзади много машин, смешанных с темнотой, как и впереди. Юля сосредоточилась на своем состоянии и внушала себе вслух:

– Спокойствие, только спокойствие… Только спокойный человек способен контролировать ситуацию.

* * *

Наступило утро, а с ним пришла тоска. Влада долго валялась в постели, лениво отправляя в рот то конфетку, то орешек. Часто она поглядывала на часы, висевшие на противоположной стене, стрелки будто нарочно двигались еле-еле. Настроение портилось с каждым часом. По телику шла сказка «Морозко», это лучше, чем праздничные концерты, напоминающие: а у

тебя праздника не будет. И снег идет, как назло! Влада обожала снег, катание на лыжах, каток, хотя с формами для кисти Рубенса ее сложно представить на коньках, но катается она – что настоящая фигуристка! Между прочим, Влада запросто на шпагат садится! Не всякая тощая сколопендра на такое способна. И вот торчи в квартире без морозного воздуха и праздника.

– Хоть бы кто вспомнил обо мне…

Но по телефону разговаривать запрещено. А она звонила! Да, друзьям звонила, которых оставила в родном городке, с ними-то поболтать не запрещалось. Только все заняты перед Новым годом, всем некогда, просили звякнуть в следующем году. А Владе нужно сейчас! И вдруг, как в сказке… звонок! Она подхватила смартфон:

– Да?..

– Влада, это я! – захихикал знакомый голос.

– Милка! – подлетела с кровати Влада. – Ты?! А где ты сейчас?

– Здесь.

– Здесь? – не поняла она. – То есть?

– Только что прилетела, жду багаж.

– Ты же говорила, что на той неделе приедешь!

– Решила свернуться пораньше. Осталось семьдесят километров и – я дома!

– Привезла что-нибудь для меня? – нетерпеливо перебила Влада.

– А то!

– Так давай сразу ко мне, а?..

Пауза означала, что Мила взвешивает, стоит ли ей из аэропорта ехать с вещами к Владе. Но она одинока, за тридцать два года один раз была замужем, детьми не обзавелась, чтобы спешить их чмокнуть, Влада принялась уговаривать:

– Приезжай, ну, пожалуйста… Я сегодня одна осталась, представь! И ты одна. А давай вместе встретим Новый год? А то засохну от тоски тут одна. Между прочим, дома тебя вряд ли кто-то ждет, не идти же тебе в кабак одной? Бери такси и – ко мне дуй.

– Ладно, – обрадовала ее Мила. – Жди. Но я из аэропорта на автобусе, такси в городе возьму, а то дерут за поездку из аэропорта – мама миа.

Бросив смартфон, от счастья Влада запрыгала на диване, но когда раздался щелчок (что-то треснуло), прыжки прекратила, ведь так и развалить диван недолго.

* * *

– Заходи, заходи, – пригласила Юля голову, появившуюся в дверной щели, а принадлежала голова достопочтимому Бобику.

Без трех минут одиннадцать – пунктуален. Он чуть-чуть больше приоткрыл дверь и буквально протиснулся в кабинет, можно сказать, проскользнул. Странно, почему не открыть широко и не войти свободно? Но такой способ, судя по всему, для него привычней. Боб шел к ней вдоль длинного стола…

Иван снял половину этажа бывшего института, где и разместил офисные отделы, для своего кабинета взял самое большое помещение. Теперь это строение – подобие административного здания, фасад сохранил следы старины глубокой и весьма пыльной в прямом смысле, ибо за ремонт этой части никто не брался – дураков нет. А интерьер – сплошная эклектика, основанная на вкусах тех, кто снял помещения. Где же институт базируется? Приказал долго жить, кажется, вообще сдох – студентов с преподавателями и скарбом выгнали, скверик превратили в парковку, которую отгородили от города кованой оградой. Какой институт, когда здание стоит в центре города! Студенты учиться могут хоть в сарае, но бизнесу нужно бросаться в глаза. Однако цена за престиж и удобство кусачая. Юля по натуре скупердяйка, ее

жаба душила: ведь для конторы можно было снять помещение во сто крат дешевле. Только вот Ваня, если не пустит пыль в глаза, заболеет тяжело и надолго. Иногда до смешного доходило…

Однажды собирались на банкет, Иван проконтролировал жену от носков туфель до кончиков волос. Случалось, он заставлял Юлю посидеть на диете парочку дней, часто выбирал наряд – да, его хватал и дизайнерский удар. К слову, она с блеском умела носить наряды, что дано далеко не всякой женщине. В последний момент Иван преподнес коробочку. Юля с трепетом открыла, а там кольцо… упасть и не встать! Камень с ноготь на большом пальце (руки, руки), просто бриллиантовый булыжник! Грани играли, сияли, искрились. Ванька разорился на внеплановый подарок безумной стоимости?! Но самое интересное и необъяснимое впереди. Кольцо Юля надела на средний палец (оно было чуточку великовато) и почти не разжимала кулак, боясь потерять сокровище. На банкете Иван заставлял жену, завидев знакомых:

– Поправь что-нибудь на груди…

– Что? У меня тут ничего нет… одно декольте…

– Все равно. Ну, косточки свои почеши… э… м… ключицы! Так, чтобы кольцо было видно… Делай, что говорю!

И Юля поправляла бретельки платья, волосы, серьги в ушах, собственно, ей тоже доставляла удовольствие демонстрация камешка. А камень сверкал как бешеный, камень бил по глазам вспышками, вызывая у окружающих мучительный приступ зависти, одна только перевернутая рожица Розалинды чего стоила! Юля сияла от сознания, что ее жизнь почти так же прекрасна, как камень на пальце. Дома она рассказала любимому мужу, как подошел к ней худенький старикан и спросил, сколько карат.

– А ты? – хитро прищурился Ваня. Физия у него – профессионального плута, за подобные физиономии не грех сажать в полицию хотя бы на сутки в качестве профилактической меры.

– Сказала, что не знаю, – ответила Юля. – Он предупредил, что крупные камешки умные люди кладут в сейфы и не достают оттуда никогда. Потому что за редкие экземпляры могут убить…

И тут она осеклась, потому что Ванька расхохотался в голос, упав спиной на их супружескую кровать. Он долго ржал, катаясь, пока Юля не рассердилась и не потребовала объяснений, мол, в чем дело?

– Это не бриллиант, – огорошил ее Иван. – Это фианит хорошего качества, со всеми положенными гранями. Лишь опытный ювелир может распознать подделку, подвергнув камень диагностике.

Вот это номер! Юля воспользовалась советом старика и положила кольцо в сейф. Больше никогда не сверкало оно на пальце обманчивым бриллиантовым блеском – не хватало, чтобы из-за фианита ее прибили. Странный случай. Она серьезно обиделась на Ивана, при этом не полюбопытствовала, зачем вообще весь этот спектакль был ему нужен.

– Ты хотела меня видеть, – раздался тихий голос Боба.

Юля, ударившись в воспоминания, забыла о нем, а вспомнив, неожиданно увидела его в непривычном ракурсе. Боб сидел, сунув ладони между коленей, как великовозрастный и вечно виноватый второгодник из средней школы. Головка маленькая, глазки рачьи и движутся, движутся… Почему Ванька окружал себя несимпатичными людьми? Но тут же поймала себя на мысли, что еще недавно Бобик казался ей милым, правда, это не касается его мегеры.

– Да, Бобик, очень хотела, – оживилась Юля. – Я надеюсь на твою бесценную помощь. Принеси мне документы по предприятиям, ну, отчет… дебит-кредит (слышать – слышала, а

с чем этот дебит едят, откуда у него ноги растут, понятия не имела). Я, конечно, ни черта не понимаю, но ты ведь тоже не понимал? Когда-то.

– Хорошо, я подготовлю отчеты и после праздников…

– Сейчас, – настояла Юля, улыбнувшись. – И можешь гулять, а я почитаю, поизучаю во время праздников, составлю список вопросов. Ага?

– Но ты хоть представляешь, сколько на сбор документов времени уйдет?

– А разве ты не делаешь отчеты в конце года?

Мастер паузы запаузил, но – какое счастье – быстро вспомнил:

– А… Отчеты годовые! Конечно, конечно, сдал на этой неделе, уже после… взрыва. Они не дают полной картины…

– Ничего, Бобик, мне достаточно и половинчатой картинки.

– Тогда я пошел? – А сам сидел.

– Иди, иди, – закивала Юля, даря ему самую добрую улыбку.

Боря с готовностью двинулся к двери, приоткрыв которую оглянулся, вид у него был, словно он забыл сказать нечто очень важное и… не сказал. Ободряюще подмигнув ей, он проскользнул так же, как вошел в кабинет. По своим детям Юля знала: чем больше от них требуешь, тем упрямее они становятся. А Боба стопроцентно она как раз не знала, но предположила, что сейчас давить на него нет ни повода, ни достаточно убедительных улик. И вообще, желательно, чтобы он думал вместе со своим кубиком Рубика, будто Юля дебилка. Только закрылась дверь, она позвонила Михаилу:

– Ой, Мишка, Боб чего-то темнит…

– Не радуйся, может, это реакция на тебя, решившую вдруг стать креативной мадамой. Женщина при власти – все равно, что пожар или наводнение.

– Он пошел за годовыми отчетами.

– Ну, посмотрим, что принесет. Вези сразу, как получишь.

4

– Иии!.. – Влада протяжно повизгивала перед овальным зеркалом, которое сняли со стены в прихожей и установили на диван. – Вот сразу видно: супер! Потрясно! Никогда не думала, что мне идут балахоны…

– Это хитон, – уточнила Мила, поедающая закуски, которые соорудила Влада, угадав, что подруга проголодалась.

– Ой, и лимонный цвет просто чудо! Неужели я не теряюсь на этом фоне? Нет?.. Ой, какое платье…

– Ты примерь бирюзовое, – постукивая себя по груди кулаком, так как трудно проглатывался кусок мяса, сказала Мила. А проголодалась она страшно, из экономии в самолете не ела, сейчас дорвалась, еду с тарелок хватала руками, здесь же не перед кем корчить из себя аристократку.

– Устала я от французской жизни, – трещала Мила, пока Влада переодевалась. – Мой Жиль достал: то ревнует к каждому французскому столбу, то любит без памяти, то ненавидит, то шипит – я, видите ли, не умею себя вести. А где мне было учиться? У кого и чему? Папа – слесарь, мама – мастер веника и швабры, что они видели в своей жизни? Думала, уеду за границу, у меня все будет путем, как у других… хотя где эти другие-то? У всех че-нить не так. Короче, пожила замужем за иностранцем и поняла: везде одинаково. Так че ж мне мучиться? Язык картавый мое горло не хочет усваивать. Хапнула свою заначку, мне Жиль выдавал денежки, а я экономила. Знаешь, Владка, у них в центре одна и та же вещь стоит раза в три дороже, чем на окраине! Так я в крутых бутиках никогда не покупала шмоток, а ему говорила…

Встреча подруг была бурной и громкой, так ведь не виделись-то три года, с тех самых пор, как Мила уехала к жениху во Францию. Перезванивались, конечно, по скайпу болтали часами, а недавно Мила ни с того ни с сего завыла в трубку: «Домой хочу-у-у! В родную Рассею…» Так выяснилось, что бросает она своего француза, но он об этом не догадывался. Обе девушки из одного провинциального города, точнее – дыры, где ни работы, ни перспектив, ни надежд, даже мужиков на всех не хватает. Мила на семь лет старше, стало быть, умней, ну и опытней, само собой. Если Влада – воплощение мужской мечты: что мордаха отпадная, что формы сочные, то ее подруга – двойное воплощение, это если брать в расчет только тело. А вот визаж (личико) так себе – нос картошкой, щеки надутые, лоб узкий… Одно хорошо: Милу бог не обидел мозгами, а то совсем была бы тоска.

Бирюза заструилась по роскошному телу Влады тончайшим потоком, переливаясь лазурными оттенками, а Мила, снова постукивая себя по груди, дабы проглотить плохо пережеванный кусок, одновременно показала второй рукой большой палец.

– Даже не знаю, какое взять… – растерялась Влада.

– Оба. Бери оба платья. Ты в них – супер.

Влада тратила денежки с осторожностью, лишнего – ни боже мой, поэтому они у нее водились, но сейчас она была готова потратить любые деньги на эти наряды! Хорошая фирменная шмотка превращает мартышку в богиню, разве не так?

– А сколько это стоит? – перешла практичная Влада на деловые рельсы.

– За что купила, за то и отдам. Без наценок. На подругах не наживаются, короче, в переводе на рубли это будет… будет… по три штуки.

– Шутишь?! – вытаращилась Влада, но и обрадовалась одновременно. – Шесть тысяч за оба?! Всего?!

– Все тряпки с распродаж, там есть маленькие ляпы, вот и кинули платьица за бесценок. Я много классных шмоток привезла по бросовой цене…

– О да! – вставила Влада. – Как дотащила три здоровенных сумки?

– Своя ноша не тянет, – рассмеялась Мила. – Две сумки шарфиком перевязала и на плечо повесила, одна в руке, еще и свободная рука образовалась. Магазин хочу открыть… м… элитный. Стану ездить во Францию и Италию, теперь знаю, где можно купить по дешевке качественные подделки. Влад, а Влад, ты не против, если я у тебя поживу немножко? В нашу дыру ехать неохота, там ловить нечего, а здесь нужно осмотреться, квартиру найти, помещение под бутик…

– Пф! Конечно, живи, сколько хочешь, – согласилась Влада, прикинув, что и бытовые тяготы можно разделить на двоих. – Я безумно рада, что ты приехала! Ну, давай еще по бокальчику шампанского вмажем?

– Я коньячку… Не люблю шипучие напитки.

Мила налила себе «Наполеона», привезенного из Франции, подружке – шампанского, чокнулись. И так хорошо пошло питье, что обе рассмеялись без причин. А потому что молодость, потому что снег идет, с завтрашнего дня начинается новый отсчет времени, значит, впереди масса перспектив, выстроенных в уме в стройный ряд. Эти перспективы больше туманные, эдакая маниловщина в женском варианте, тем не менее они пробуждают кипучую энергию, которой нужно только дождаться часа… а час наступит где-то впереди, в новом году.

Не успели перекинуться парочкой фраз, темно стало, зимой темнеет рано. Девушки нарядили елку – ее Влада купила еще двадцать пятого, выпили кофейку и начали готовиться к встрече Нового года, а то как-то неправильно – без праздничного застолья. Для себя одной Влада не старалась бы, а с подружкой другое дело, да и время летит быстрей. Ей пришлось молчать, впрочем, не о чем поведать подруге, разве что о приключении на свою задницу! Но об этом успеется, не хотелось портить себе настроение. А Мила делилась впечатлениями без умолку, так ей же есть о чем рассказать: Париж!

– И чего это люди рвутся в Париж? Ну что там такого? Мой Жиль думал, мечта всей моей жизни – Париж, повез туда, номер в гостинице снял шикарный, выходить не хотелось. А Жиль меня потащил на улицы. Посмотрела я на их башню, и что? Стоит себе в раскоряку. В музеи не пошла, что, я музеев не видела? Мне они в школе надоели. Мы ходили, ну, гуляли по улицам, в кафе сидели, в магазины заходили. А магазины в Париже – сплошная обдираловка, но шикарно… Эй, тебе звонят.

Действительно. Влада взяла трубку и, едва взглянув на дисплей, засияла, как гирлянда:

– Привет. Не ожидала, что позвонишь… Что? Ты в городе? Здесь?.. А где остановился?.. Я? Нет, я свободна… Нет, у меня, конечно, запланирована встреча… Нет-нет, я приеду. Честно, приеду… Второй этаж, а номер… повтори… Жди! До встречи.

Прижав трубку к груди, Влада пустилась в бесцельное путешествие по комнате, причем, зажмурив глаза, как кошка на солнце, и беззвучно смеясь. Главное, предметы мебели успешно обходила.

– «Скорую» вызвать? – фыркнула Мила, наблюдая за ней.

– Это Витька…

– А то я не поняла! Хм! Витя всегда появляется не вовремя. А ты… сейчас поскачешь к нему как дура, да?

– Ой… – очнулась Влада, открыла глаза и виновато залепетала: – Мила, прости… я обещала ему… Мила, ну, пожалуйста!

Поскольку неудавшаяся француженка хорошо знала Виктора, так как все трое жили на одной улице со дня рождения, была она в курсе и весьма непростых отношений подруги с этим проходимцем. Мила вдруг отошла к своим трем необъятным сумкам, стоящим у стены, и принялась рыться в них, попутно ругая глупую Владу:

– Стоит появиться груде мышц и тупой наглой роже, тебя как подменяют! Ты теряешь основной человеческий орган – мозг, несешься к своему мучителю, и отговаривать тебя бесполезно. Да катись хоть к черту, мне-то что. Только знай: он тебя опять бросит.

– А потом вернется, и я прощу…

Влада кинулась к выходу, но ее остановил грозный оклик:

– Стой! Ты же на свиданку идешь. Держи… хотела подарить торжественно, под бой курантов, но ты умеешь ломать планы.

Мила сунула пакет подружке в руки, там оказались джинсы и пушистый белый свитер. Свитер пришелся впору, джинсы…

– Чуть-чуть маловаты… – подпрыгивая от усилий, пытаясь застегнуть молнию, выговорила Влада.

– Джинсы не должны болтаться. Ну?.. Застегнула?.. О, классно смотришься! Супер.

– Неужели это подарок? Милка, ты…

Она обняла свалившуюся на голову француженку, расцеловала в щеки, а потом ринулась в прихожую, сейчас даже классные шмотки не способны вернуть ее к реальности. Надевая куртку-парку и вязаную шапочку, она давала последние распоряжения:

– Телефон оставлю, у меня есть еще. Будут звонить, не отвечай, кроме… – Влада нашла номер и показала Миле, – кроме этого типа. Скажешь, что ты… то есть я заболела… гриппом или другой заразой. Чихай, кашляй, поменьше базарь с ним… и никуда не выходи.

– Ничего не поняла.

– И не надо. Потом все расскажу, когда Витька меня бросит. А ты посоветуешь, как быть.

– Ты что, вляпалась в фигню?

– Похоже на то. Все, Мила, я побежала. Он тут рядышком, в гостинице остановился… Пока!

Дверь захлопнулась. Осталось только развести руками и пожать плечами, в этой позе недоумения постоять с минуту и уйти в комнату, прихватив телефон. Мила налила коньячку в рюмку, выпила, сунула в рот маленький бутерброд-канапе. Влада изумительно готовит, в ее руках и обычный бутерброд превращается в изысканное кушанье. Настенные часы показывали двадцать минут восьмого, всего-то. Мила посмотрела по телику комедию, от души посмеялась, наслаждаясь шутками. Но комедия закончилась, до двенадцати далеко еще…

– Чтобы я сдохла, если Владка скоро не прибежит вся в слезах, – хихикнула она. – А пока можно расслабиться.

Расслабляться Мила ушла в ванную комнату, открутила краны и, пока наливалась вода, изучила пузырьки. Маска и теплая ванна – это то, что необходимо после длинной дороги. Еще музыка. Мила включила музыкальный центр в комнате, подобрала более-менее красивую песню и, чтобы слышать божественные звуки, оставила открытой дверь в ванную. Маски на волосы и лицо нанесла, а потом залезла в ванную, погрузившись в воду с пахучей пеной со стоном сладострастия. Ну правда, такой кайф… От мужа избавилась (удрала без предупреждения), на горячо любимую Родину вернулась, в дыру не поехала, отдыхает. Что еще нужно для счастья? Однако счастье было прервано банальным звонком в дверь.

– Что, уже? – выбираясь из ванной, ворчала Мила, стараясь почти не разжимать губ, чтобы не повредить маску, из-за чего кожа на лице, говорят, растянется. – Любовь засохла, завяли помидоры? Так скоро? Сейчас реветь будет до утра, дура…

Махровый банный халат висел на вешалке, она надела его, идя к входной двери, набросила капюшон, чтобы голова не застыла. Влада звонила настойчиво, беспрерывно. Поэтому Мила не тратила времени на поиск выключателя, а замок быстренько нашла. Всего один поворот и – дверь открылась.

Но вместо Влады в квартиру ввалился человек. Мужчина. От неожиданности Мила попятилась, тем самым пропуская его в квартиру. Мужчина судорожно прикрыл дверь и быстро, с

суетливой неловкостью повернулся к ней. Она хотела спросить, что ему нужно, хотела поставить в известность, что хозяйки нет дома… Но он стремительно пошел на нее в узком коридоре.

Всего лишь миг жизни, равный взмаху руки, а сколько мыслей промчалось в голове Милы! Мыслей, вместе с ними раскаяния, а также воспоминаний, все – за один миг. Потому что угадала: это пришло абсолютное зло с черным пятном вместо лица, бежать не имеет смысла, просто некуда бежать.

Он ничего не сказал, послышался только глухой хлопок, одновременно в нее врезалась острая, горячая, разрывающая сила. Мила содрогнулась всем телом и замерла, ощутив в животе эту силу, переходящую в боль, которая своею мощью уложила ее на пол и не давала возможности закричать, перекрыв горло спазмом. Мила слышала, как захлопнулась входная дверь… быстрые шаги явно по лестнице… Она поняла, что мужчина убежал. А с нею остался лишь голос певца, красиво выводившего ноты низким голосом, и дикая боль, от которой быстро тускнело в глазах…

* * *

– Да все тут в порядке, – бегло просматривая документы, сообщил Михаил. – Иначе и не могло быть, это же отчет для государственных служб, грубо говоря, очковтирательство.

– А где искать непорядок?

Он отложил кипу бумаг на подоконник, что само по себе означало: место этой макулатуре в сортире. После остановил на ней изучающий взгляд, раньше выводивший из себя Юлю и доводивший обоих до ссор.

– Юла, скажи, чего ты хочешь? Конкретно? Какую цель поставила? От твоей цели и надо плясать.

Если бы она знала! Формулировки всегда давались ей трудно. Юля опустила голову. Нет, она лукавила сама перед собой, ей хотелось обойти горькую правду, или хотя бы пригладить ее, пусть даже ложью пригладить.

– Я хочу, – с осторожностью подбирала она слова, чтобы он правильно интерпретировал ее речь, – узнать, где прячутся незаконные дела Ивана. Хочу знать, в чем он провинился и перед кем. Я человек, Мишель, нормальный человек, и хочу понять, чем мне грозит взрыв на нашей даче. У меня же дети.

– Ммм, логично, – удовлетворился ответом он.

– И еще хочу понять, что можно исправить в данной ситуации.

– Ну, погибших ты не вернешь…

– Представляешь, я даже не знаю, сколько людей там было.

– То есть, сколько погибло с Иваном, ты не в курсе?

– Этого никто не знает.

– А ведь интересно, кто были эти люди. М-да, история! Мне не приходилось слышать, чтобы погибло такое количество людей, при этом никому не было известно, кто они. И времени прошло достаточно, чтобы кто-то заявил в полицию о пропаже родственников. Может, подали, а ты не знаешь.

– Мне бы сказал наш лучший друг Саня Ромуальдович.

– Ой, – отмахнулся Михаил. – Нашла друга. Хитрый лис сам способен взорвать весь город с детьми, собаками и кошками, если будет в том его личный интерес. Искать надо в счетах, в бухгалтерии, а она у Ваньки двойная, если не тройная. Боб наверняка знает, но тебе не скажет. Мало того, Юла, он сейчас запросто может тебя ограбить.

– А я не пущу его на работу. Временно.

– А как обоснуешь?

– Ну… что буду выяснять, в чем вина моего мужа, а до этого останавливаю все предприятия.

– Глупо, – остудил ее Миша. – Ты даешь понять, что лезешь туда, куда не приглашают, тебя возьмут и убьют из предосторожности. Лучше так: мол, собираюсь продавать предприятия, поэтому приостанавливаю деятельность. И никаких объяснений, хлопай глазами, прикидывайся дурой, у тебя это здорово получается, и говори, что все должно остаться как есть. Выучи эти слова наизусть и долдонь их, поняла?

– Yes.

– И помни: у тебя есть один недостаток…

– У меня?! – задохнулась от негодования Юля. – Впервые слышу.

– Потому что развела вокруг себя кучу льстецов и развесила уши, потеряв чувство реальности. Не крути носом, правда – она всегда жжет. Так вот, дорогая, если будешь продолжать строить всяческие ужимки и рожи, то Боб догадается, что ты задумала пакость против него. Не исключаю, что Боб – тупая счетная машина, но ведь одновременно и подлая.

– Так что мне, черт, делать? – бросила возмущенно Юля.

– Вспомнить такую черту, как искренность, ею и окрасить свои жестокие слова. Или хотя бы надень на лицо маску бесстрастности.

В комнату влетела Зиночка, ее обиженно поджатые губы дали понять, что она сердита. Михаил и Юля закончили секретничать, потому и не подумали отправить ее назад на кухню, он подсел к жене на подлокотник и обнял за плечи:

– Малышка, надутая ты некрасивая.

Она лишь взглянула на него снизу вверх, смешно фыркнула и отвернулась. Михаил расхохотался, одновременно объясняя столь странное поведение жены:

– Зинуля с утра не в духе, с утра ее чего-то плющит. Главное, когда злится, ужасно смешной становится. Малышка, ну, улыбнись, улыбнись…

– Елку не поставил, – строго заговорила Зина, – квартиру не убрали, еду не готовим, а уже вечер. Вы два часа болтаете, а я… я устала на кухне торчать.

– Прости нас, Зина, но мне нужна помощь. Все, ухожу, ухожу…

На этот раз провожать ее пошел Михаил, заодно извинился:

– Не сердись, Зина нервничает, боится, что умрет при родах.

– Ерунда, это известные страхи, – одеваясь, сказала Юля. – На нее вообще сердиться нельзя, она ребенок. Давай второго встретимся в офисе? Как раз никого не будет, ты там пошаришь.

– Договорились.

Поцеловав его по-дружески в щеку, Юля сбежала по ступенькам, а на повороте подняла голову и еще помахала. Но из подъезда выходила, не торопясь, спешить, собственно, некуда. Мишка предлагал остаться у них, встретить Новый год вместе… Нет, отказалась. Не ради них, а ради себя – ей неуютно везде, какая-то сила внутри не может успокоиться, толкает и толкает Юлю бежать-ехать туда, где люди, но чужие, незнакомые.

Она не заметила и на этот раз автомобиль, следующий за ней по пятам. Нормальному человеку, законопослушному гражданину, а Юля таковой и являлась, никогда не придет в голову, что за ним ведут слежку некие заинтересованные лица. Приехала она в гостиницу, решив принять душ, а после поужинать в ресторане, однако планам не суждено было сбыться.

* * *

Что нужно двоим, когда они внезапно встречаются после долгой разлуки? Кровать, только кровать любого размера, ширины, высоты и в любом месте, хоть в сарае, а уж тесный гостиничный номер – просто шик.

В истоме Влада повернулась на бок к Виктору, обняла его за шею, шумно вдохнула запах мужского молодого тела, одуряюще действующего на сознание (оно попросту отключалось), и со стоном, протяжно выдохнула. Спросить ее в обычной обстановке: что такое счастье, девочка? Она не сможет построить простейшую философскую конструкцию типа: счастье – это муж, деньги, дети (разумеется, очередность приоритетов варьируется) и еще что-нибудь дорогое из прошлого – домик у реки, песочница во дворе. Нет, головка Влады мыслит проще: балдею сейчас, а что там в будущем – подумает, когда оно, будущее, наступит. Так что в данную минуту после сумасшедшей страсти Влада была счастлива до чертиков, а Виктор, исполнив долг самца, дремал. Полагая, что он ее не слышит, она, глядя в загорелое лицо ковбоя с грубыми чертами, окруженное соломенными волосами, с чувством восторженной благодарности прошептала:

– Как мне хорошо, Витя… Ты мне сделал такой подарок, такой подарок… Всю ночь будем вместе, потом завтрашний день…

– Мне нужно вернуться домой, – сказал он сонным голосом.

– Что? – приподнялась над ним Влада. – Так ты уедешь? Когда?

– Сейчас, – подскочил с кровати Виктор и начал одеваться. – Я заехал на минутку. Повидаться.

– Опять пропадешь на полгода?

Вопрос, конечно, интересный, впрочем, подобных каверзных вопросов в багаже Влады имелось множество, пора было бросить их в эту бессовестную морду и посмотреть, как она будет выкручиваться. Живет он в пятидесяти километрах – что тут ехать? Было бы желание. Вопросы накапливались, словно медленный яд, постепенно отравляющий тело и душу, но Влада до сегодняшнего вечера не решалась выяснять отношения, боялась рассердить Витеньку. И каждый раз, когда он, появляясь в городе, звонил, она летела к нему, одурманенная обманчивой надеждой. Пару часов спустя надежда умирала практически без мук – скоропостижно.

– Как получится, – ответил он.

– А как же я, Витя? Ты оставишь меня сегодня?

Он застегивал джинсы, но, услышав мольбу в голосе Влады, присел на край кровати, взял ее за плечо, словно хорошего парня, и предпринял попытку договориться:

– У тебя уйма времени, целых полтора часа до двенадцати.

– А почему ты не можешь остаться?

– Зайка, ну, не могу, ждут меня.

– Почему бы нам не пожениться? – напрямую спросила Влада, набравшись храбрости и в некоторой степени наглости. Видимо, жизненный опыт все же толкает хоть иногда подумать о будущем, но реакция Виктора ее расстроила:

– Зая, на фига тебе этот финт? Я живу в деревне, что ты там делать будешь?

– То же, что и все.

– Зая, ну какая из тебя жена? Тебе нужен шум-гам, тусовки, гламур-бонжур. У меня всего этого нет… и вряд ли будет.

– Я могу без этого прожить. Жила же раньше и ничего.

– А чем тебе не нравятся наши встречи? Редко, но метко. И никто никому ничего не должен.

Что на это сказать? В подобных случаях не говорят, а бьют по роже. Влада встала… Нет, бить не стала, хотя могла заехать кулаком так, что он долго не очухался бы. Перед тем как одеться, она поставила руки на бедра и решила высказаться на прощание:

– Прошлый раз ты выставил меня из номера, потому что к тебе ехали важные люди. Позапрошлый раз ты оторвал меня от моего дорогого спонсора, я бросила его, квартиру, которую он снимал для меня, шубу! О такой шубе я даже мечтать не могла, а он купил, потому что не жадный. Я осталась на улице! И тебя это не волновало. Сейчас ты приехал на Новый

год, я подумала: наконец в эту ночь никто не убегает, как трусливая скотина. А еще я помню, как ты…

– К чему вот это… давить на психику? – поморщился Виктор и вдруг вообще заорал на нее: – Твоя беда, что ты сразу рубишь концы. А кто заставлял? Я? Я просил тебя бросать твоего старого козла с шубой? Меня все устраивало.

Глотая непрошеные слезы обиды, Влада похватала свои вещи, понимая, что уговоры не помогут, и оделась. А он продолжал в том же духе свой монолог халявщика:

– К чему ты устраиваешь эту демонстрацию? У меня есть еще полчаса, расслабилась бы и получала удовольствие, так нет же, тебе нужно все испортить! В ближайшие пять лет я вообще не собираюсь жениться, рано! Ну какая из тебя жена? Зачем тебе это? Тебя мужики любят, вот и лови свою удачу, пока молодая.

Что самое поразительное: если позволить себе вслушаться в извергаемый бред, можно поверить, ведь Витя просто зомбирует! Поверить и сказать, мол, ты прав, езжай и даже женись на другой, я все равно буду ждать тебя и прибегу при любой погоде на пару часов, даже если температура опустится ниже минус сорока градусов. Но Влада впервые отключила слух! Одевшись, она выбросила руку в его сторону и замерла со свирепым выражением на личике. Витя вытаращил глаза, увидев перед носом кукиш с красным маникюром, а досадные слова прощания резали ухо:

– Вот тебе лафы в следующий раз! Халява закончилась, Витюля. Гудбай. Телефон мой забудь.

И ушла. Разумеется, Виктор не кинулся догонять ее. На улице Влада все же разревелась, ведь так обидно, так обидно… Немного постояв на другой стороне улицы, она увидела, как Виктор выбежал из гостиницы, подъехало такси, он сел в машину и умчался в сторону вокзалов. Влада утерла слезы, затем пошла домой – вот обрадуется Милка! В конце концов, и без Витьки-дурака жилось ей неплохо, ему нужна баба-инкубатор, чтобы и борщи варила, и пахала, как лошадь, и детей рожала без остановки. Обидно, что она готова пахать-варить-рожать, а он… Скотина!

Гостиница, в которой она отрывалась с Виктором, находилась близко от дома, Влада добралась пешком за каких-то семь минут. Открыла ключом квартиру, переступая порог, крикнула, одновременно шаря по стене ладонью в поисках выключателя:

– Есть кто живой? Это я! Мила, ау! Витька меня бросил…

Вспыхнула лампочка в прихожей без плафона, потому по глазам ударила неприятным грязно-желтым светом. Влада захлопнула дверь и, снимая куртку, неожиданно застыла, вытаращив глаза. На полу в ее халате лежала явно Мила… А кто еще может там лежать? Главное, почему подруга разлеглась на полу?

– Мила… – тихо позвала ее Влада.

Плохие предчувствия – это волна горячей энергии, которая обдает тело и никуда не девается, отчего кажется: ты сейчас сгоришь. Эта энергия поднималась жаром откуда-то изнутри к сердцу, щекам, глазам, волосам… Между тем Влада осторожно подступала к телу, словно каждый шаг мог оказаться дорогой в ад.

Сначала она увидела лицо подруги и невольно вздрогнула от испуга, не сообразив, что это всего лишь коллагеновая маска, она застывает на лице и снимается, как обычная резиновая пленка. Но стало вдруг так страшно, что из мозгов выветрились все знания, которых и так не слишком много хранилось в голове Влады. Еще ужаснее – кровь. Кровь разлилась по животу, значит, Милу кто-то ножом… или чем-то другим… убил…

Ее убили?!

Влада не могла поверить, что это возможно. Однако Мила лежала на полу, сейчас это было самым главным, Влада упала на колени рядом, сдерживая рыдания, приложила ухо к груди. Сердце… а вдруг?.. Чудеса бывают…

Прошла секунда, другая… Нет, целый век прошел, пока она услышала слабый, едва уловимый толчок. Большего счастья Влада не испытывала никогда.

– Мила… Мила, ты живая! Милочка, подожди… не умирай… – Влада лихорадочно вытащила из кармана смартфон, тыкая в экран, тихо трещала: – Ты же дождалась меня, значит, должна жить… Алло, «скорая»?.. Пожалуйста, приезжайте скорей, мою подругу убили… Нет-нет, она еще жива, но… но умирает… на халате кровь, она лежит прямо в коридоре… Кровь где? А, на животе… Чем убита, я не знаю… Нет, не могу определить, вы уж сами… А сердце бьется, я слышала. Если вы приедете быстро, может быть… Пожалуйста, умоляю!!! Спасибо… Адрес? Ах, да, адрес… конечно, адрес…

Продиктовав адрес, Влада задумалась. Говорят, у нее мало мозгов, однако и этого количества достаточно, чтобы просчитать: врачи приедут не одни, наверняка пригласят полицию – ведь убийство! А тут Влада. И будет она встречать Новый год в самом неподходящем месте – в камере. Хватило несколько секунд все обдумать, мысль, она ведь… как там в сказках… быстрее ветра.

– Минуточку! Я должна вам сказать… меня не будет. Я боюсь! Боюсь, что меня обвинят… поэтому уйду, но дверь оставлю открытой, вы ее потом захлопните, ладно? А то квартира не моя, я ее снимаю… Мила лежит в прихожей. Я оставлю ее паспорт… у нее французский, она из Франции… и… и свой медицинский полис, чтобы Милу… Да? Спасибо! Пожалуйста, быстрей приезжайте… вы ее спасе…

Трубку положили. Теперь Влада могла заняться собой, потому что сейчас медики позвонят в полицию, эти дяди будут здесь раньше «скорой помощи». Итак, минут пять в запасе есть.

Влада подскочила, ринулась в комнату. Первое – деньги! Да, деньги и паспорт… нет, сначала паспорт Милы найти, затем свой. Потом вещи… Какие же взять с собой? Белье, разумеется, второй свитер, еще одни брюки, парочку футболок…

– Хватит, – сказала Влада, утрамбовывая сумку. – Сейчас приедут.

В прихожей она наклонилась к Миле:

– Мила, держись, очень тебя прошу. Сейчас приедут и спасут тебя, ты же сильная баба, ты сможешь. А я должна уйти. Прости меня…

Она вылетела из квартиры, оставив тапок в дверной щели, чтобы не захлопнулась дверь. Затем – на улицу, потом – на другую сторону, забежала в ворота и притаилась в черной тени четырехэтажного дома. Это старый квартал, улочки узенькие, на освещение город не расщедрился (какое счастье!), следовательно, Владу не заметят, несмотря на близость. И правда, полиция подъехала первой. Буквально через минуту-две у подъезда остановилась «скорая помощь». Если Милу вынесут сразу, то успели, она жива. Влада облокотилась спиной о стену дома и молилась:

– Господи… Господи, пожалуйста… Господи…

Собственно, молитв она не знала, но Бог и так поймет, о чем она просит, он же все видит, всех слышит, и он добрый. Шум заставил повернуться лицом к выходу, Влада чуть не закричала «ура», так как носилки грузили в машину «скорой помощи»! Хоть и темновато, но она смогла рассмотреть, что лицо не накрыли простыней. Медики умчались, а полицейская машина не уезжала, возле нее прохаживался легавый и курил – как тут выйдешь? Вдруг он подумает, как-нибудь догадается, что она хозяйка квартиры?

– Какого хрена они там застряли? – бубнила Влада, присев на корточки у стены. – Холодно, блин! Ехали бы отмечать праздник, уроды. Че там можно так долго делать? Хорошо, что бабки унесла с собой.

Прошло еще с полчаса, полицейские вылетели из подъезда, залезли в машину и дунули прочь. Влада вздохнула с облегчением, забросила на плечо сумку и вышла из укрытия.

Не суждено было попасть девушке в квартиру – на двери белела длинная бумажная лента с печатями, квартиру опечатали. Пришлось выйти на улицу. Куда же теперь? Допустим, вверх

по улице, там центр города, хотя зачем Владе в центр? Там хотя бы люди, в них появилась острая потребность, потому что в людных местах не убивают. Влада поняла, что убивали ее, а Мила… это всего лишь досадная случайность.

Из окон домов послышались глухие вопли, затем одиночные выстрелы, после которых в небе с шипением, свистом и хлопками раскрывались яркие огни. Народ праздновал Новый год.

Влада неторопливо шла по безлюдной улице, вытирая катившиеся по обеим щекам слезы.

6

– Я тебе сказала, пропусти!

Юля прорывалась в ресторан. Охранник стоял с маской бесстрастия на пустоголовой роже, даже повторять перестал, дескать, нет мест, надо ждать. Это был третий кабак, куда ее не пускали из-за аншлага. Главное, она бывала в этих кабаках вместе с мужем, но владельцев нет на месте, администраторы не соизволили выйти. Впрочем, они меняются, как перчатки, в подобных заведениях, откуда им знать, кто такая Юлия? А Ванька спокойно мог пройти сквозь стены и кордоны. Она выпила пару глотков из квадратной бутылочки коньячку, шампанское не умела открывать, потому не купила.

– Слушай меня, стату€я, – сделала ударение на букву «у», чтобы у тупого изваяния не осталось сомнений, кто он есть, – завтра ты здесь не работаешь, понял? Запомни меня…

Видимо, она достала его. Он взглянул на нее с высоты своего двухметрового величия и снисходительно вымолвил, словно она тля какая-то:

– Ты пьяная.

– Это ты это мне?! – завелась Юля.

Не на шутку завелась, ей не приходилось сталкиваться с ничтожеством, вообразившим себя царем кабацкого царства.

– Тебе. Будешь буянить, вызову наряд, остаток ночи проведешь в аквариуме. Там твою шубку по волоску выдернут. Иди домой.

До Юли дошло: не имеет она власти и силы мужа Ваньки, она никто даже в песцовой шубе. Этот жлоб запросто может вызвать полицию, ее загребут, дело пришьют, и так подозревают в убийстве мужа с его компанией, а со скандалом в ресторане вообще будет… труба, как сейчас говорят.

– Ладно, – процедила Юля, отступая. – Я уйду. А ты запомни!

* * *

В припаркованной неподалеку от ресторана машине мужчины искренне ржали, наблюдая за стычкой Юли с охранником. Один, сидевший рядом с водителем, сообщал в трубку:

– Не пустили ее в кабак, идет к машине, думаю. Ну, ребята, готовность номер один… Стоп, стоп! Куда это она?

– На остановке решила посидеть, – подал голос молодой человек с заднего сиденья. – Своя тачка ее не устраивает, автобус нужен для разнообразия.

– Тогда сгоняй и посмотри, есть народ на остановке? Мы можем ею заняться прямо сейчас, – сказал звонивший.

Молодой человек вышел из машины, поежился.

* * *

Юля, понося охранника всеми неприличными словами, шла мимо остановки, но вдруг завернула под свод и села на скамейку. Достала плоскую бутылочку с коньяком, хлебнула. Злость, негодование, обида не улетучились, а стало легче. Просто потому, что эмоции под знаком негатив+ – это забава для деток-переростков, Юля к данной категории не относится, она вполне зрелая женщина. Открутив пробку, она подняла бутылочку, произнесла вслух:

– За зрелость и выпьем.

– Что? – неожиданно услышала.

На другом конце скамейки сидела девица, нахохлившись, как курица на насесте, наверное, она здесь давно и замерзла. Честно говоря, Юля обрадовалась нечаянной встрече, для начала поздравила:

– С Новым годом. Хочешь?

Протянутую бутылочку девица взяла, сделала несколько глотков, словно утоляла жажду водичкой, и протянула назад, выговорив хриплым голосом:

– Спасибо.

Подъехал автобус, но уехал пустой, девица как сидела на скамейке, так и осталась там, что дало повод Юле задать ей вопрос:

– Почему здесь торчишь? Автобуса ждешь?

– Нет. – Незнакомка оказалась неразговорчивой.

– Так почему?

– Идти некуда.

– Бездомная? Бомж, да?

– Я не бомж, – надулась незнакомка. – Просто на сегодня у меня нет дома.

Сложно понять, почему «на сегодня нет дома», но в этой фразе заложен подтекст: завтра дом будет. Все равно странно прозвучало, с некоторым трагизмом и слезой в голосе. Может, девушке плохо – муж выгнал, например. Оценив одежду на ней, Юля получила подтверждение, что незнакомка не бомжиха, отсюда последовал и вывод: у нее беда. И у Юли беда, еще какая беда.

– А гостиница? – вспомнила она.

Сама Юля собралась ночевать опять в номере, а не в своем замечательном дворце. Кстати, в гостиничном кабаке места для нее тоже не нашлось, видите ли, все за месяц распродано.

– Не могу в гостиницу, – сказала незнакомка. – Обстоятельства.

– Понятно. И у меня обстоятельства. Что ж так плохо у всех, а? Радоваться надо, а у нас – обстоятельства, блин. Выпьем?

– Давай.

Разговорились. Слегка. Выяснилось, что этой ночью не повезло обеим – их не пустили на праздник жизни ни в один кабак.

– М-да, одинаковая у нас судьба на сегодня, – вздохнула Юля. – И вот ведь говорят, плохо живем. Ха, в паршивый кабак не попасть! Машин в городе – не проедешь, а живем плохо.

– Как он говорил? Надо ждать? – вдруг переспросила незнакомка. – Ты правда тупишь? А по шубе не скажешь.

– При чем здесь шуба?

– Ну, женщины вроде тебя знают, что означает «надо ждать».

– И что? – не догоняла Юля, чувствуя себя дурой, не имеющей жизненного опыта. – Я, например, не знаю.

– Надо ж дать! Дать! На лапу охране. И будет тебе столик, какой хочешь. Поняла?

– Иди ты! – удивилась Юля. – Так просто? Тогда идем…

Она с готовностью поднялась, потрясла ногами, которые и в шикарных меховых сапожках подмерзли, но незнакомка и не думала двигаться.

– Чего сидим? – осведомилась Юля.

– Сегодня такса кусачая, мне не по карману, вышибала как назвал цену только за вход, я чуть не упала. Теперь экономить придется, я даже не представляю, сколько сейчас стоит жилье…

Юля не любила пустой треп, одновременно не любила, когда ей отказывают в элементарном одолжении, поэтому потянула девицу за руку:

– Идем, идем, я приглашаю, значит, и за банкет расплачиваюсь я. А то тоскливо одной… Идем, иначе задубеешь тут и уснешь вечным сном. В кабаке согреемся, поедим, а уж потом подумаем, что делать, на сытый желудок думается веселей.

Незнакомка позволила себя уговорить, подхватила спортивную сумку и шла за Юлей безвольным шагом, будто ноги держали ее с трудом. Собственно, так и было, не найдя теплого места, она серьезно подмерзла на остановке, а тут еще и хлебнула.

– Кстати, как тебя зовут? – вспомнила Юля, остановившись.

– Меня? Влада.

– Красиво. А меня Юля, друзья называют – Юла.

– Угу. Тоже стремно. Блин, как холодно…

– Ничего, сейчас согреемся.

* * *

«Надо ж дать» сработало, как магическое заклинание, точнее, баксы раскрыли двери в довольно дорогой ресторан и предоставили два столика на выбор! Один ближе к эстраде, но требовалась небольшая доплата, обе замахали, мол, не надо нам эстраду, второй – в уголке без доплаты, так как далеко от праздника. Расположились, сумки повесили на спинки массивных стульев, схватили меню, уткнули носы.

– Я страшно голодная, – призналась Влада, – с обеда маковой росинки не было во рту.

– Ха! Как хорошо ты сказала – маковой росинки…

– Это же народное выражение, – подняла на нее изумленные глаза Влада. – Ты что, не знаешь?

– Знаю, разумеется, просто давно не слышала. Ну, выбрала?

– Не понимаю названий, а цены… может, мне корочку хлеба?

– Здесь и за корочку хлеба обдерут. Там под названием в скобках состав блюда… (Влада положила меню на стол и отрицательно покачала головой, дескать, не смею заказывать обдираловку.) Ладно, я на свой вкус…

Она огляделась, официантов не было, но Юля сделала какой-то жест непонятно кому, а Влада следила за ней и за залом, через полминуты прибежал парень. Заказала она карпаччо, сырную и мясную тарелки, салат, на горячее мясо с трудновыговариваемым названием и…

– Коньяк? – посоветовалась с Владой, та пожала плечами, она на все согласна. Юля сказала официанту: – И бутылку коньяка. Но! Принесешь помои – удавлю. Неси закуски быстро, мы жрать хотим. Минералку не забудь.

Да, обе были страшно голодные и, как только принесли закуски, накинулись на еду, не заботясь об эстетичности. Влада соорудила из мяса и сыра бутерброд а ля сэндвич, вонзила в него зубы и застонала от счастья, готовить она любила для других, а для себя – сойдет и так. А тут и рюмки с коньяком подоспели, разлил услужливый официант. Девочки выпили.

– Милый, – обратилась к нему Юля, подмигнув, одновременно накалывая кусок мяса на вилку, – ты иди, мы тут сами нальем.

– Слушай… – наклонилась к ней Влада. – Здесь все нарядные, а мы…

– Не парься. Ой, как мало человеку нужно! Я столько никогда не пила, но мне нравится. А почему ты осталась одна в такой день… э… ночь?

– А ты почему?

– Мужа пришили. Боюсь, его проблемы станут моими.

– О-ой… – протянула Влада, вытаращив глаза. – А у меня подругу… пришили. Но не до конца. Надеюсь, выживет.

Это называется – родственные души! Или друзья по несчастью. Короче, две похожие драмы сблизили их, объединили, сроднили, явно кто-то свыше заставил девушек встретиться,

наверное, это она – насмешница судьба. Вот за нее – судьбу – и выпили по рюмочке. Однако они уже прилично загрузились, посему подробности несчастий не интересовали ни одну, ни другую. Двум девочкам под градусами, которым фатально не повезло, достаточно найти единственную точку соприкосновения, чтобы подружиться на несколько часов. Впрочем, никто не знает, какую каверзу судьба заготовила, возможно, дружба продлится до гробовой доски, следовательно, глупо заглядывать вперед.

– Я как дура сторожу его дом, а он мне – рога в награду, – разоткровенничалась Юля и чуть не всплакнула.

– Кто? – тормозила Влада.

– Муж, конечно. И ведь чувствовала, вернее, не узнавала его. Он стал каким-то рыхлым, без отзыва… Это когда стукнешь по предмету и слышишь свой стук, а он… У тебя шестой номер? – указала Юля подбородком на грудь Влады.

– Пятый.

– М! – одобрительно выпятила губу она. – А чем ты занимаешься?

– С мужиками сплю.

– Прости… титутка? – Юля выговаривала слова уже с напряжением.

– Нет, просто шлюха.

– А… Ну и ладно. Не знаю, что мне делать… Сколько тут натикало? – Юля достала айфон, тыкала в него пальцем. – О, четвертый час. Не пора ли нам, м?

– Можно я останусь? Мне некуда идти, а здесь тепло.

– Пойдешь со мной в гостиницу. Я там ночую. Кровать большая…

– Ты не… Понимаешь, Юля, я мужиков люблю.

– Пф! Кто их не любит? Поехали! Твоя честь… мне не нужна, я тоже люблю мужиков… Одного… Любила…

Юля встала, ее немножко пошатывало, но она собралась и, приобретя равновесие, кинула деньги на стол, затем уверенно прошла в гардероб. Влада не удержалась, собрала со стола остатки еды в салфетки (чего ж добру пропадать, за него же заплачено) и ринулась за нечаянной благодетельницей. Ужасно хотелось в кроватку, заснуть и, проснувшись завтра за полдень, узнать, что все-все, включая Юлю с ее щедростью, приснилось. Но так не бывает, на осознание данного факта еще хватало КПД извилин.

На улице девочки шли, едва не падая. Во-первых, скользко, во-вторых, устали, а в-третьих, набрались достаточно, чтобы упасть замертво прямо на снежный покров. Но обе держались… друг за дружку.

– Долго еще? – все же поинтересовалась Влада.

– Не-а. За углом моя машина… кажется.

– Ты не уверена?

– Ну, если ее не угнали, она… должна быть… там.

В который раз Влада беспокойно оглянулась – сзади шли трое парней. Может, им по пути, а может, это бандиты вышли за добычей. Праздничная ночь, народ возвращается пьяненький из гостей и кабаков в разное время, иногда народ хочет проветриться и не берет такси – отличная приманка для негодяев.

– Юля, – зашептала Влада, – эти парни сзади… они идут и идут за нами.

– Пусть идут, какое наше дело? – выговорила та нетрезвым языком.

– Мне не по себе.

Как говорится, только вымолвить успела! Трое крепышей окружили двух гулен, причем вблизи они выглядели амбалами, с которыми тягаться просто глупо. Один из них встал перед девушками и сразу без обиняков:

– Сумки, шубки, серьги-кольца-брошки.

– Что он сказал? – переспросила Юля у Влады.

– Нас грабят, – тихо пискнула та. – Хотят, чтобы мы им все отдали – одежду, сумки, золото.

Юля поняла. И выставила грабителям кулак… Нет, это фига, кукиш. Просто из-за того, что рука в перчатке, показалось, будто кулаком грозит, а она дала ответ на требование – совсем другой посыл. Смело. Влада оценила и восхитилась ею. Но бандитские морды не оценили, главарь схватил руку Юли и заломил за спину, от боли бедняжка протяжно застонала. Теперь осталось только драться, и Влада смело саданула его спортивной сумкой по голове – он, естественно, выпустил руку жертвы.

Юля упала на четыре конечности, макнула личико в сугроб, образованный при расчистке тротуара, в это время подскочил другой амбал и попытался выхватить у нее сумочку – Юля не дала, еще чего! Она надела ее на руку, затем прижала к груди обе руки, он не мог вырвать, и дергал, и повалил упрямицу, и таскал ее, держа за сумку. А что Юля? Нет, чтобы орать во всю мочь, она:

– Ах-ха-ха-ха… Идиот! Ах-ха-ха-ха…

Может, смех был нервный, но раздражал напавших бандитов. А вот Владе не повезло. Видимо, она произвела впечатление на парней, те решили, что один с ней не справится (и это действительно так), поэтому на девушку накинулись сразу двое. Один схватился за ручки спортивной сумки, второй держал ее сзади, обхватив за талию и другой рукой пытаясь вырвать дамскую сумочку. Ага, так она и отдала свое богатство, добытое… лучше не вспоминать как, но без которого она загнется на зимней улице! Там документы, деньги, украшения из золота – мелочовка, не бриллианты, разумеется, но Влада лучше умрет, чем отдаст. Она же и закричала не своим голосом, а каким-то утробным:

– Помогите!.. Ааа!.. Спасите!.. Убиваю-ут!..

Дальше все случилось, как в кино, а быстро – как в клипе, в котором ничего не успеваешь рассмотреть.

В компанию драчунов внезапно врезался мужчина в стильном длинном пальто. Что пальто стильное, про себя отметили обе дамы, к тому времени находившиеся на пятых точках, а каков он – не разглядели, слишком быстро все замелькало. То один бандюга отлетал, то второй, третий очутился прямо у ног дам, тут подоспел и первый – заскользил на пузе. Второй исполнил полет в противоположную сторону, и так без конца.

Юля решила не суетиться, посидеть пока в сугробе, раз уж уселась, и покурить на свежем воздухе. Тем более, тут сеанс блокбастера в натуральном виде. Она прикурила от зажигалки, выпустила вверх струю густого дыма, смешанного с паром от дыхания, и произнесла заплетающимся языком:

– Балет, ей-бо…

Влада сначала ничего не понимала, от ужаса хватала ртом холодный воздух, тараща глаза во все стороны, потом стала подниматься на ноги, сообразив, что заступнику в стильном пальто нужно помочь. Вот только чем? Она огляделась – что бы такое в руки взять? А спортивную сумку из рук не выпускала, успела туда же сунуть и маленькую сумочку, теперь все это могли забрать только у трупа. В ходе потасовки девушка протрезвела и лихорадочно соображала, где бы взять… кирпич, например. Бандитов было трое, это же целая армия! Амбалы довольно быстро одолели отважного мужчину, повалив на снег, принялись избивать его ногами с поразительной жестокостью, каждый удар отдавался внутри Влады ответной болью.

– Уроды! – заорала она, ринувшись на троицу. – Получай, скотина! Вот тебе, урод!..

И сумкой как даст первого, подвернувшемуся под руку, да по голове! Тот оттолкнул ее, а силен гад – Влада полетела прямо к своей спасительнице вместе со спортивной сумкой. Все бы ничего, но бандит сообразил: она в беспомощном состоянии, подбежал и за ручки сумки ухватился.

– Не отдам! – закряхтела Влада, чувствуя, как легко это животное тащит ее по отшлифованной ледяной дорожке. – Отцепись, мурло!.. Не отдам…

Вдруг свист раздался. Затем кто-то крикнул:

– Кейс!.. Валим!

Почувствовав, что ее отпустили, Влада приподнялась и увидела: троица убегает, то скользя на обеих ногах, то перепрыгивая невидимые препятствия, один из троицы упал на пятую точку… Но подскочил, как попкорн на сковородке, и побежал догонять своих. Что случилось, почему они убежали? Неужели причина в пожилой паре, семенившей по другой стороне улицы? Ну, может, и так, бандиты боятся всех, кто может нашуметь или вызвать полицию, сейчас не это важно. Негодяи убежали и – ура, ура! А вот герой, настоящий Зорро, каких сейчас не сыщешь днем с огнем, лежал, не шевелясь.

– Юля, – тихонько позвала Влада, подползая на четвереньках к заступнику. – Ты живая?

– Yes, – ответила та, выпуская струю дыма вверх.

Молодой мужчина лежал ничком, Влада его перевернула на спину и прикрыла рот ладонью, едва не вскрикнув. Лицо у Зорро в крови, глаза закрыты.

– Он без сознания, – сообщила она Юле. – Что делать будем?

– Что-нибудь, – был дан лаконичный ответ.

– А конкретней идей у тебя нет? Мы же не оставим его здесь?

Трудновато доходило до Юли, чего хочет нечаянная подружка, но доходило. В конце концов, у нее не пустая кадка на плечах, а вполне пригодная голова (пусть и под градусами). Она нашла выход, правда, через паузу:

– Отвезем его в больницу, м?

– Отлично, – обрадовалась Влада. – Взяли?

– Что именно?

– Ни что, а кого. Его взяли?

Юле пришлось вынуть свое тело вместе с шубой из сугроба и подползти на четвереньках к человеку, вступившемуся за двух совершенно беззащитных слабых женщин. А заступник недвижим.

– Ты проверяла, он хоть живой? – сообразила Юля. – А то ведь мертвое тело доставить нужно в морг. Ему там место. Я, кстати… морга не знаю… где он есть.

Влада раскрыла на груди Зорро пальто и приложила ухо. Через мгновение она улыбнулась, так как услышала сильные удары сердца, какие бывают у очень здоровых людей. Например, у Витьки (который бросил ее в очередной раз, скотина) именно так бьется сердце – уверенно, сильно.

– Жив, жив, – заверила она. Увидев, что Юля, сунув сигарету в рот, пытается прикурить, зашипела на нее: – Потом покуришь, давай мужика отвезем. Он спас нас. Вот и мы обязаны его спасти.

Устыдила. Без возражений Юля отшвырнула сигарету в сторону, она готова была поднять заступника на руки, однако…

– А тебе не кажется, что он высоковат для нас? – засомневалась.

– То есть весит много? – Влада поднялась на ноги, оценила тело на снегу, потом и подругу смерила взглядом, после чего сделала вывод: – Ничего, дотащим. Бери за ту руку, а я за эту…

– М! Верное решение.

Итак, девушки взяли за руки заступника и потащили волоком – а что делать! Уставая, останавливались отдохнуть. Ночь, на улице никого, погода – дышит, нет, правда, ни ветерка. Иней обхватил город, который замер, словно зимняя картинка из природоведения, только редкий падающий снег подсказывал, что картинка живая.

– Я думала, ты заставишь на себе нести, – выговорила запыхавшаяся Юля.

– Тяжелый… Нам везет, снег… Если бы слякоть была, пришлось бы на себе его… Фу, жарко…

– А ты не болтай.

– Где же твоя машина?

– Да вон, вон стоит. Не стырили, надо же… Моя лапуля, моя красава…

– Ты это про кого?

– Про машинку. Я ее очень люблю.

Мужчину решено было затащить на заднее сиденье внедорожника. Для этого Влада забралась в салон и тащила его, взяв под мышки. Юля проталкивала вперед его ноги. С трудом, но затолкали тело. Ноги заступника не влезли, но девушки нашлись: согнули их в коленях, ступни поставили на сиденье. Влада тоже села назад, уложила голову раненого на колени и вдруг, когда завелся мотор, опомнилась:

– Ты же пьяная!

– Ну и что? Нам никто не помешает, машин нет.

И как сдаст назад… Влада лихорадочно пристегнулась, а то мало ли… После она оглянулась на беднягу – не упал ли он на пол автомобиля.

– Ща домчим его в больничку, – пообещала Юля, нажимая на газ. – Знаешь, приятно делать… м… типа добрые дела. Они… у, блин, скользко… Про что я?

– Про добрые дела, – замерев, выдавила Влада, когда машину, потерявшую управление, повело в сторону.

– А, да! Добрые дела повышают… эту… самооценку.

Влада в это время перекрестилась.

7

Больница (ближайшая) возвышалась на отдельной площадке, окруженная сквером и оградой, кое-где подсвеченная фонарными столбами. На территорию въехали без проблем, проблемы начались, когда, объехав вокруг, пару раз притом едва не врезавшись в стену, дамы не обнаружили ни одного светящегося окна в здании. Лишь лампочки над входными проемами тускло светились, обозначая вход. Влада догадалась, что одна из дверей ведет в приемную.

– Ты уверена? – глуша мотор, спросила Юля.

– А тут подъезд для машины, – привела доказательство Влада.

– Тогда посмотри, жив ли наш супермен, а я… туда пойду.

Юля вышла на воздух, потянулась и зевнула. Сейчас бы на кроватку и… Однако следует передать тело медикам. Она неловко взошла по пологому подъему явно для въезда «скорой помощи», нашла кнопку, позвонила. Ага, так и сбежался народ на тревожный сигнал о помощи. Еще раз позвонила… И еще… Кулаком постучала… Нет, никто не спешил спасти человека. Юля предприняла последний способ достучаться: повернулась спиной к двери и стала бить пяткой в дверь, пока не взмокла.

– Юль! – позвала Влада, выглянув из машины. – Никто не выйдет, наверное, все спят. Выпили за Новый год и спят, как люди.

Юля двинула к машине, ругаясь на чем свет стоит:

– Черт! Что это за больница хренова? Пациентов почему не принимают? Я устала как собака… Неужели никто им не звонит… не просит приехать… спасти кого-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.